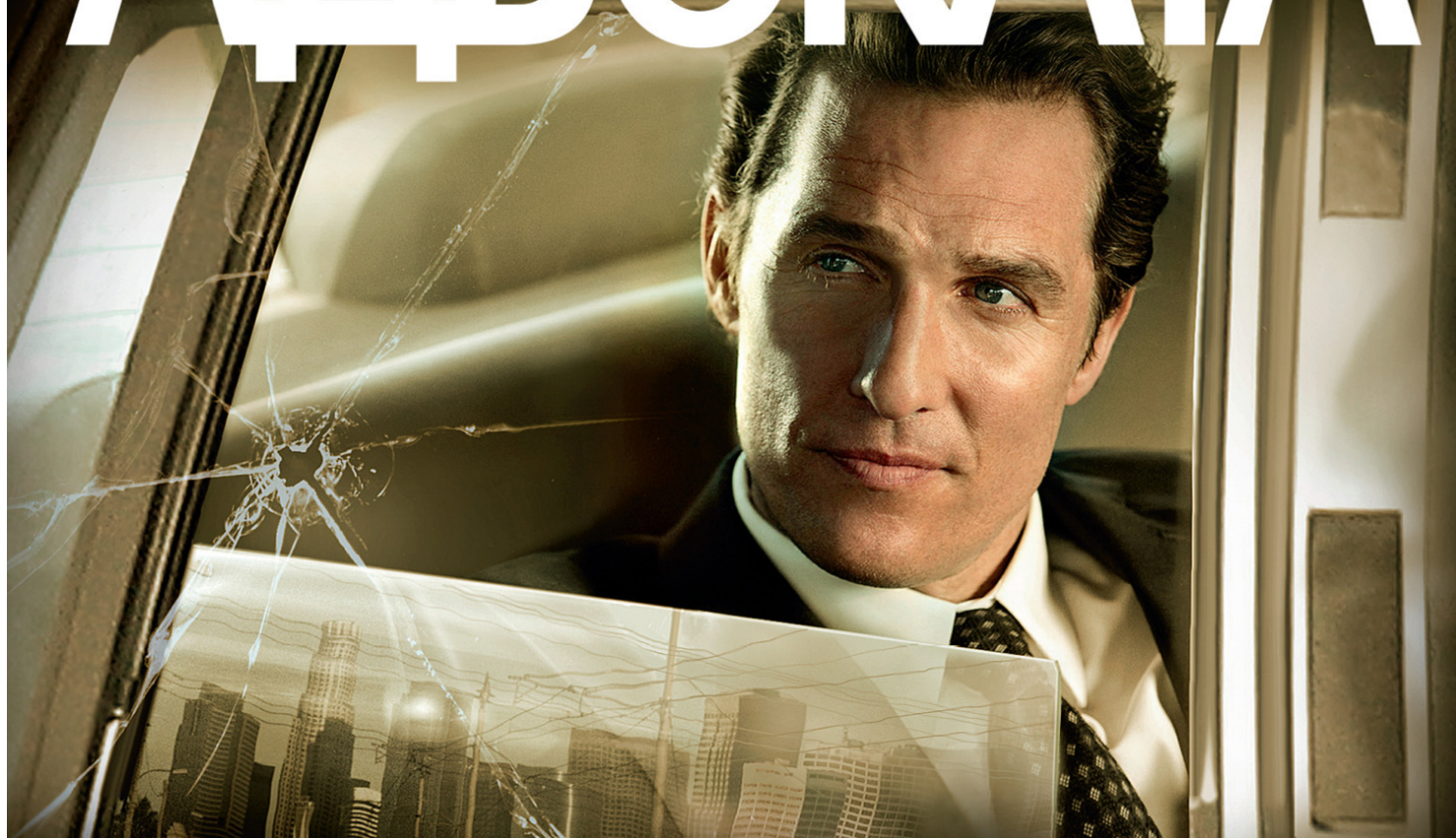

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА № 1
ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»!

**МАЙКЛ
КОННЕЛЛИ**

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ **80 000 000** КНИГ МАЙКЛА КОННЕЛЛИ

ПУЛЯ ДЛЯ АДВОКАТА

Гарри Босх

Майкл Коннелли
Пуля для адвоката

«Азбука-Аттикус»

2008

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Коннелли М.

Пуля для адвоката / М. Коннелли — «Азбука-Аттикус»,
2008 — (Гарри Босх)

ISBN 978-5-389-20993-0

Наконец-то дела у адвоката защиты Микки Холлера идут на лад! После двух лет фатального невезения он возвращается в зал суда, чтобы защищать киномагната, обвиняемого в убийстве своей жены и ее любовника. Нет худа без добра, как бы цинично это ни звучало, – Холлер получил крупное, обещающее громкий успех дело «в наследство» от убитого коллеги, голливудского адвоката Джерри Винсента. Обстоятельства его гибели расследует опытный детектив Гарри Босх, при первой же встрече предупреждающий об опасности: Холлера тоже заставят замолчать навсегда и это лишь вопрос времени. И поскольку события разворачиваются стремительно, эти двое одиночек понимают, что выход у них один: работать вместе... Роман также издавался под названием «Свинцовый вердикт».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-20993-0

© Коннелли М., 2008
© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	14
Часть вторая	16
Глава 4	16
Глава 5	17
Глава 6	22
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	41
Глава 11	46
Глава 12	49
Глава 13	53
Глава 14	56
Глава 15	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Майкл Коннелли

Пуля для адвоката

Michael Connelly

THE BRASS VERDICT

Copyright © 2008 by Hieronymus, Inc.

This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York,
USA

All rights reserved

Перевод с английского Владимира Соколова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Ранее роман издавался под названием «Свинцовый вердикт».

Серия «Звезды мирового детектива»

© В. Н. Соколов, перевод, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Памяти Терри Хансена и Фрэнка Моргана

Часть первая

Свидетель обвинения

1992

Глава 1

Все лгут.

Копы лгут. Адвокаты лгут. Свидетели лгут. Жертвы лгут.

Суд – чемпионат по лжи. И все давно об этом знают. Даже присяжные. Они приходят на работу, зная, что им будут лгать. Садятся на свою скамью, готовясь услышать ложь.

Если ты на стороне защиты, главное – терпеть. Терпеть и ждать. Дело адвоката – вцепиться в ложь и ковать ее, как раскаленное железо, из которого делают клинок. Острое как бритва лезвие, чтобы распороть брюхо и перерезать глотку обвинению.

Моя работа – ковать сталь и точить клинок. И пускать его в ход, без жалости и снисхождения. Я – островок правды среди моря лжи.

Глава 2

Шел уже четвертый день процесса – он проходил в 109-м отделении уголовного суда, в деловом центре города, – когда ко мне в руки попала эта ложь, острая, как дамаская сталь. Моего клиента, Барнетта Вудсона, обвиняли в двух убийствах, и он на всех парах мчался к маленькой железной камере в тюрьме Сан-Квентин, где в вены осужденных всаживают самую крепкую на свете дурь.

На Вудсоне, двадцатисемилетнем торговце наркотиками из Комптона, висели ограбление и смерть двух студентов из Вествуда¹. Парни собирались купить у него кокаин, но он предпочел забрать деньги и пальнуть в них из обрезка. Так, по крайней мере, считал прокурор. Преступление было черно-белого цвета, и это не шло Вудсону на пользу, особенно после того, как четыре месяца назад расовые волнения едва не разорвали город пополам. Но больше всего он испортил дело тем, что попытался избавиться от трупов, утопив их в Голливудском водохранилище. Они провалились там четыре дня, пока не всплыли наверх, словно яблоки в бочке. Гнилые такие яблочки. Мысль, что все это время трупы разлагались в главном городском источнике питьевой воды, вызвала у жителей приступ тошноты. Когда Вудсона вычислили по телефонным звонкам и арестовали, общественная ярость обрушилась на него как ураган. Окружной прокурор заявил, что потребует высшей меры.

Однако дело против Вудсона не было таким уж бесспорным. Оно строилось в основном на косвенных уликах – записях телефонных разговоров и свидетельствах людей, которые сами являлись уголовниками. В центре всей этой компании стоял главный свидетель обвинения – Рональд Торренс. Он уверял, будто Вудсон сам признался ему в убийстве.

Торренс был соседом Вудсона по центральной городской тюрьме. Оба сидели в специальном блоке, состоявшем из шестнадцати одиночных камер, расположенных в два яруса и выходящих во внутренний дворик. Все шестнадцать заключенных в этом блоке были чернокожими согласно сомнительной, но повсеместно принятой тактике «безопасной сегрегации», по которой арестантов разделяли по бандам и по цвету кожи, чтобы избежать агрессии и стычек. Торренса обвиняли в ограблении и физическом насилии с отягчающими обстоятельствами: результат его участия в грабежах во время бунта. Заключенные спецблока с шести часов до половины седьмого вечера могли выходить во дворик, где ели, играли в карты и проводили время под присмотром охранников, сидевших в стеклянной кабинке наверху. По словам Торренса, как раз за одним из карточных столов мой клиент признался ему в убийстве двоих вествудских парней.

Обвинение старалось в наилучшем виде подать Торренса присяжным, среди которых было всего трое чернокожих. Когда на четвертый день процесса Вудсона привезли в суд, он был чисто выбрит, коротко подстрижен (от косичек пришлось избавиться) и облачен в светло-голубой костюм без галстука. Во время допроса, который вел представитель обвинения Джерри Винсент, Торренс сообщил о разговоре, якобы состоявшемся между ним и Вудсоном во время игры в карты. Он заявил, что Вудсон не только признался ему в убийствах, но и описал преступление в подробностях. Присяжным намекали, что только истинный убийца мог знать все эти детали.

В суде Винсент держал Торренса на коротком поводке, задавая ему длинные вопросы и получая лаконичные ответы. Вопросы эти были настолько пространными и многословными, что могли сойти за наводящие. Я не стал протестовать, хотя судья Компаньони бросал на меня удивленные взгляды, ожидая, что я вот-вот вскочу с места. Но я молчал, считая, что мне это

---

¹ Вествуд – коммерческий и жилой район, в котором находится Калифорнийский университет Лос-Анджелеса.

на руку. Пусть присяжные видят, что вытворяет обвинение. Я просто сидел и ждал, держа за пазухой свой нож и предоставив Торренсу болтать все, что хочет.

Винсент закончил только к одиннадцати часам, и судья спросил, не хочу ли я перекусить, прежде чем приступить к перекрестному допросу. Я отказался – перерыв мне ни к чему. При этом состроил такую гримасу, словно мне было тошно от одной мысли, что придется тянуть с этим парнем еще лишний час. Я встал и направился к кафедре, прихватив с собой толстую папку с документами и блокнот.

– Мистер Торренс, меня зовут Майкл Холлер. Я государственный защитник и представляю интересы Барнетта Вудсона. Мы встречались с вами раньше?

– Нет, сэр.

– Конечно нет. Зато с моим подзащитным, мистером Вудсоном, вы знакомы очень хорошо, не так ли?

Торренс презрительно усмехнулся. Я хорошо поработал над его биографией и прекрасно знал, с кем имею дело. Ему было тридцать два года, из которых треть он провел в колониях и тюрьмах. Школу бросил в четвертом классе – просто перестал ходить на уроки, на что его родителям, видимо, было наплевать. По «закону о трех преступлениях»² ему грозило пожизненное заключение за грабеж и избиение работницы в прачечной-автомате. Произошло это во время трехдневной волны бунтов и насилия, прокатившейся по городу, когда суд оправдал четырех белых полицейских, убивших чернокожего Родни Кинга за то, что он припарковался в неподобающем месте. Короче говоря, у Торренса были очень веские причины, чтобы помочь суду «утопить» Барнетта Вудсона.

– Мы познакомились с ним несколько месяцев назад, – ответил Торренс. – В спецблоке.

– Вы сказали «в спецблоке»? – произнес я, прикинувшись дурачком. – Это какое-то особое подразделение или военный отряд?

– Нет, специальный блок.

– Речь идет о тюрьме?

– Ну да.

– Вы хотите сказать, что ранее не были знакомы с Барнеттом Вудсоном? – В моем тоне звучало удивление.

– Нет, сэр. Мы встретились в тюрьме.

Я сделал в блокноте пометку, словно услышал важное признание.

– Что ж, тогда давайте посчитаем, мистер Торренс. Когда Барнетта Вудсона перевели в спецблок, вы уже давно сидели там – точнее, с пятого сентября этого года. Верно?

– Да, я помню, как его привезли.

– А почему вы сами попали в спецблок?

Винсент заявил протест, сославшись на то, что данная тема уже обсуждалась на допросах. Я возразил, что хочу составить более полное представление о причинах ареста Торренса. Судья Компаньони отклонил протест и велел Торренсу ответить на вопрос.

– Я уже сказал – меня обвиняют в ограблении и физическом насилии.

– Речь идет о событиях, происходивших во время волнений в городе, не так ли?

Учитывая антиполицейские настроения, распространившиеся после беспорядков в городе, при отборе присяжных я старался набрать как можно больше коричневых и черных. Но сейчас у меня появился шанс повлиять на тех пятерых белых, которые все-таки затесались в их состав. Пусть они знают, что главный свидетель обвинения участвовал в тех бесчинствах, которые они видели по телевизору.

---

² «Закон о трех преступлениях» («законы трех страйков») – принятые на уровне штатов в США законодательные акты, согласно которым нарушитель, совершивший преступление в третий раз, получает длительный срок тюремного заключения.

– Да, я находился там, как и все, – ответил Торренс. – Копы в этом городе совсем распоясались.

Я кивнул, делая вид, будто соглашаюсь.

– И свой протест против незаконного вердикта в деле Родни Кинга вы выразили тем, что ограбили шестидесятидвухлетнюю женщину и до полусмерти избили ее железной крышкой от мусорного бака? Я вас правильно понял, сэр?

Торренс покосился на столик Винсента и на своего адвоката, сидевшего в первом ряду на галерее. Не знаю, обсуждали ли они заранее, как отвечать на подобный вопрос, но сейчас никто не мог помочь Торренсу.

– Я такого не делал, – проговорил он наконец.

– Выходит, вы не совершали того, в чем вас обвиняют?

– Ну да.

– А как насчет грабежей? Вы не занимались мародерством во время беспорядков?

Снова пауза и взгляд на адвоката.

– Тут я по Пятой поправке³.

Чего и следовало ожидать. Потом я задал серию вопросов, специально составленных так, что Торренсу приходилось либо признавать себя виновным в преступлениях, либо отказываться отвечать со ссылкой на Пятую поправку. Наконец после пятого или шестого раза судье надоело слушать одно и то же, и он потребовал, чтобы я вернулся к делу. Я нехотя повиновался.

– Ладно, с вами пока все ясно, мистер Торренс. Вернемся к мистеру Вудсону. Вы знали подробности дела до того, как встретили мистера Вудсона в тюрьме?

– Нет, сэр.

– Уверены? В то время о нем много говорили.

– Нет, я же сидел в тюрьме.

– А что, там нет газет или телевизора?

– Газет я не читаю, а телевизор постоянно не работает. Мы возмущались, и нам обещали, что его починят, но ни хрена не починили.

Судья попросил свидетеля следить за своей речью, и тот извинился. Я продолжил:

– Согласно тюремным документам, мистер Вудсон прибыл в специальный блок пятого сентября, а в материалах следствия сказано, что уже второго октября вы сообщили прокурору о сделанном вам признании. Правильно?

– Да.

– А вот мне так не кажется, мистер Торренс! Вы пытаетесь убедить суд, будто преступник, совершивший два убийства и находившийся под угрозой смертной казни, признался в этом человеку, которого знал менее четырех недель?

Торренс пожал плечами:

– И такое иногда случается.

– Неужели? Скажите, сколько скостит вам обвинение, если мистер Вудсон будет осужден?

– Не знаю. Мне никто ничего не обещал.

– С учетом вашего послужного списка и новых обвинений вам грозит лет пятнадцать тюрьмы.

– Мне ничего не известно.

– Неужели?

– Да, сэр. Этим занимается мой адвокат.

– А он вам не говорил, что если вы не предпримете кое-каких шагов, то можете надолго оказаться за решеткой?

– Нет, не говорил.

---

³ Имеется в виду отказ давать показания, ссылаясь на Пятую поправку к Конституции США.

– Ну еще бы. Что вы попросили у прокурора в обмен на свидетельские показания?

– Мне ничего не нужно.

– Выходит, вы стали свидетелем только из чувства гражданского долга?

Лишь глухой не расслышал бы сарказма в моем голосе.

– Именно так, – с оскорбленным видом произнес Торренс.

Я поднял толстую папку с материалами дела.

– Узнаете эту папку, мистер Торренс?

– Нет. По крайней мере, я ее не помню.

– Вы уверены, что не видели ее в камере мистера Вудсона?

– Я никогда не был в его камере.

– Значит, вы не проскользнули к нему в тот момент, когда он находился на прогулке или в душе, и не заглянули в его дело?

– Нет.

– Мой клиент держал в камере много документов. В них содержались те самые подробности, о каких вы упоминали сегодня утром. Вам не кажется это подозрительным?

Торренс покачал головой:

– Нет. Знаю то, что он рассказал мне за столом. Ему было плохо, и он выложил все как на духу. Я не виноват, что внушаю людям доверие.

Я кивнул, как бы сочувствуя нелегкой судьбе Торренса, которому все признаются в чем попало – даже в двойных убийствах.

– Конечно, вы не виноваты, мистер Торренс. Вы можете сообщить присяжным, что именно он вам сказал? Только не используйте шпаргалку, по которой отвечали мистеру Винсенту. Я хочу услышать точные слова моего клиента.

Торренс помолчал, словно пытался собраться с мыслями.

– Ну, мы там сидели, каждый сам по себе, а потом он начал говорить, как ему плохо из-за того, что он сделал, и я спросил: «А что ты сделал?» – и он рассказал мне про ту ночь, как убил двух парней, и что теперь его это гложет.

Правда лаконична. Ложь многословна. Я хотел, чтобы Торренс отвечал мне длиннее, не так, как Винсенту. У тюремных стукачей есть много общего с мошенниками и аферистами. Они врут вам в глаза, а сами посмеиваются втихомолку. Их задача – напустить побольше туману. Но во всей болтовне нередко можно найти зацепку, которая выведет их на чистую воду.

Винсент снова заявил протест – на том основании, что свидетель уже отвечал на все эти вопросы и я просто хочу вывести его из равновесия.

– Ваша честь, – возразил я, – свидетель буквально вкладывает признание в уста моего клиента. С точки зрения защиты, на этом строится обвинение. Если мы не сумеем всесторонне изучить смысл и содержание столь важных показаний, нам останется лишь распустить присяжных.

Судья Компаньони одобрительно кивнул еще прежде, чем я успел закончить фразу. Он отклонил протест Винсента и попросил меня продолжить. Я повернулся к свидетелю и нетерпеливо произнес:

– Мистер Торренс, вы уклоняетесь от ответа. Вы утверждаете, будто мистер Вудсон признался вам в убийствах. Сообщите присяжным, что именно он вам сказал. В каких конкретно словах выражалось его признание?

Торренс усмехнулся с таким видом, словно до него только сейчас дошел смысл моего вопроса.

– Ну, сначала он сказал мне: «Черт, я ужасно себя чувствую». А я спросил: «В чем дело, братишка?» Он ответил, что постоянно думает о тех двух парнях. Я не понял, о ком речь, – я же говорил, что ни слова не слышал об этом деле. Поэтому спросил: «Что за парни?» – а он ответил: «Два ниггера, которых я утопил в водохранилище». Я продолжал расспрашивать, и

он рассказал, как убил обоих из обрез, потом завернул их в проволочную сетку и так далее. Он заявил: «Я сделал большую ошибку», и я поинтересовался какую. Он ответил: «Надо было взять нож и распороть им животы, чтобы они не могли всплыть на поверхность».

Краем глаза я заметил, что Винсент поморщился во время ответа Торренса. Ясно почему. Мой клинок был наготове.

– Мистер Вудсон использовал именно это слово? «Ниггеры»?

– Да.

Я выдержал паузу, стараясь точно сформулировать свой следующий вопрос. Понимал, что Винсент выступит с протестом, как только я дам ему повод. Я не мог попросить Торренса истолковать слова моего клиента. Спрашивать о мотивах признания Вудсона тоже было нельзя. Винсент сразу бы за это уцепился.

– Мистер Торренс, среди людей с черным цветом кожи слово «ниггер» может иметь разные значения, не так ли?

– Вроде того.

– Это значит «да»?

– Да.

– Мой подзащитный афроамериканец?

Торренс рассмеялся:

– Похоже на то.

– Как и вы сами?

Снова смех.

– С тех пор, как родился.

Судья стукнул молоточком по столу и повернулся ко мне:

– Мистер Холлер, это необходимо?

– Простите, ваша честь.

– Продолжайте.

– Мистер Торренс, когда мистер Вудсон использовал это слово, вы были шокированы?

Торренс потер подбородок, как бы раздумывая над ответом, и покачал головой:

– Нет.

– Почему вас не шокировало, мистер Торренс?

– Наверное, потому, что я слышу это каждый день.

– От других черных?

– Ага. И от белых тоже.

– Хорошо. Когда черные используют данное слово – как, например, мистер Вудсон, – кого они имеют в виду?

Винсент возразил, заявив, что Торренс не может разьяснять слова другого человека. Ком-паньони поддержал протест, и я помолчал, размышляя, как иначе получить желаемый ответ.

– Ну хорошо, мистер Торренс. Давайте поговорим о вас. Вы когда-нибудь употребляли это слово?

– Бывало.

– И когда вы его употребляли, о ком шла речь?

Свидетель пожал плечами:

– О других парнях.

– О черных парнях?

– Ну да.

– А вы когда-нибудь называли ниггерами белых?

Торренс покачал головой:

– Нет.

– Прекрасно. Когда Барнетт Вудсон сообщил, что утопил в водохранилище двух ниггеров, что вы подумали об этих людях?

Винсент шевельнулся, словно собираясь заявить протест, но промолчал. Видимо, сообразил, что бесполезно. Я держал Торренса на крючке.

– Я подумал, что они черные и он их убил, – произнес Торренс.

Винсент опять пошевелился и обмяк в кресле, будто пришел к выводу, что приглашать заключенного-стукача в качестве свидетеля не самая лучшая идея.

Я взглянул на судью Компаньони. Тот уже знал, что произойдет дальше.

– Ваша честь, можно подойти к свидетелю?

– Подойдите, – разрешил судья.

Я приблизился к свидетельской трибуне и положил «дело» перед Торренсом. Это была большая потрепанная папка бледно-оранжевого цвета – в тюрьмах такие используют для хранения бумаг, которые заключенные имеют право держать у себя в камере.

– Итак, мистер Торренс, вот документы. Адвокаты передали их мистеру Вудсону в тюрьме. Я еще раз спрашиваю – вы узнаете их?

– В спецблоке было много всяких папок. Не помню, видел ли я именно эту.

– Вы хотите сказать, что никогда не встречали мистера Вудсона с этой папкой?

– Точно не помню.

– Мистер Торренс, вы в течение тридцати двух дней находились с мистером Вудсоном в одном блоке. По вашим словам, он признался вам в двух убийствах. И вы никогда не видели его с данной папкой?

Мои вопросы загнали его в угол. Я терпеливо ждал. Если он продолжит уверять, будто никогда не видел папку Вудсона, то скомпрометирует себя и свои показания в глазах присяжных. А если признается, что все-таки видел документы, я вцеплюсь в него мертвой хваткой.

– Я видел его с этой папкой, но никогда не заглядывал внутрь.

Все. Попался.

– Ну, тогда сделайте это сейчас.

Торренс повиновался и стал листать бумаги. Я вернулся к трибуне и взглянул на Винсента. Тот сидел бледный, с опущенной головой.

– Что вы видите в деле, мистер Торренс?

– Вижу на фотографиях два трупа на земле. Они прошиты скобами... я имею в виду – фото. Дальше – разные отчеты и документы.

– Вы можете прочитать самый первый документ? Хотя бы несколько строчек.

– Нет.

– Вы не умеете читать?

– Не умею. Я не ходил в школу.

– Попробуйте прочитать хотя бы несколько слов из тех, что написаны возле квадратиков с галочками.

Торренс опустил голову и нахмурил брови. Я знал, что в тюрьме проверяли его способность к чтению и пришли к выводу, что она находится на самом низком уровне – хуже, чем у первоклассника.

– Не могу. Не получается.

Я быстро подошел к столику защиты и вытащил из портфеля еще папку и большой фломастер. Вернувшись к трибуне, написал на обложке крупными черными буквами: «Белый». Потом поднял папку, показав ее свидетелю и присяжным.

– Мистер Торренс, вот одно из слов, написанных в первом документе. Вы можете его прочесть?

Винсент вскочил с места, но Торренс уже покачал головой, чувствуя себя униженным. Обвинитель заявил протест против необоснованной демонстрации, и Компаньони принял его.

Я это предвидел. У меня уже была готова почва для следующего хода, и я не сомневался, что большинство присяжных заметили, как Торренс покачал головой.

– Хорошо, мистер Торренс, – сказал я. – Вернемся к снимкам. Вы можете описать, что на них изображено?

– Ну, там два трупа. Похоже, копы вытащили их из брезента или проволочной сетки. Вокруг стоят полицейские, делают снимки.

– Какого цвета кожа у лежащих на земле людей?

– Черная.

– Вы когда-нибудь видели снимки раньше, мистер Торренс?

Винсент опять вскочил и возразил, что вопрос задавался раньше. Но это было все равно что пытаться рукой остановить пулю. Судья сухо попросил его сесть на место. Он дал понять обвинителю, что ему остается лишь сидеть и смотреть на происходящее. Если пригласил в свидетели лжеца, то получай по заслугам.

– Отвечайте на мой вопрос, мистер Торренс, – продолжил я, когда Винсент сел. – Вы видели эти фотографии раньше?

– Нет, сэр, только сейчас.

– Вы согласны, что ваши показания совпадают с тем, что на них изображено?

– Да. Но я их раньше не видел, просто так он мне рассказал.

– Уверены?

– Такого не забудешь.

– Вы утверждаете, что мистер Вудсон признался вам в убийстве двух черных, хотя его судят за убийство белых. Может, никакого признания и не было?

– Нет, было. Он сказал, что убил тех двоих.

Я взглянул на судью:

– Ваша честь, защита просит приобщить к делу данную папку в качестве вещественного доказательства.

Винсент заявил протест по поводу необоснованности такого шага, но Компаньони отклонил его.

– Досье будет приобщено к делу, а присяжные решат, видел ли раньше мистер Торренс содержимое папки или нет.

Я решил не упускать момент.

– Спасибо, ваша честь, – поблагодарил я. – Мне кажется, для обвинения сейчас самое время напомнить своему свидетелю об ответственности за дачу ложных показаний.

Это был неожиданный ход, рассчитанный на симпатию присяжных. Все ждали, что я стану дожимать Торренса, пока не выпотрошу из него все кишки с помощью его собственного вранья. Винсент немедленно встал и попросил сделать перерыв, чтобы проконсультироваться с адвокатом противной стороны.

Я понял, что спас Вудсону жизнь.

– Защита не возражает, – сказал я Компаньони.

Глава 3

Когда присяжные ушли, я вернулся к столику защиты, где судебный исполнитель уже надел наручники на моего клиента, чтобы отвести его в камеру при здании суда.

– Тот парень врет как дышит, – шепнул мне Вудсон. – Не убивал я черных. Это были белые.

Я надеялся, что судебный исполнитель не расслышал его слов.

– Может, ты заткнешься? – прошептал я. – Кстати, когда в следующий раз встретишь этого парня в тюрьме, не забудь пожать ему руку. Благодаря его вранью обвинение откажется от высшей меры и пойдет на сделку. Как только что-нибудь узнаю, сразу тебе сообщу.

Вудсон покачал головой:

– А на черта мне теперь сделка? Они взяли в свидетели вруна. Все пошло коту под хвост. Мы сумеем выиграть это дельце, Холлер. Не надо сделки.

Я смерил взглядом Вудсона. Надо же, я только что спас ему жизнь, а он хочет большего. Возмущается, что государство ведет нечестную игру, словно совершенное им убийство не имело никакого значения.

– Не жадничай, Барнетт! – бросил я ему. – Вернись, когда появятся новости.

Судебный исполнитель повел его к железной двери, за которой находились камеры. Я проследил за ним взглядом. У меня и раньше не возникало иллюзий насчет Барнетта Вудсона. Он ничего не говорил мне прямо, но я знал, что это он убил тех парней из Вествуда. Ну и что? Моя задача – сделать все, чтобы выстроенное против клиента обвинение дало трещину. Так работает система. Я достиг своей цели и получил в руки хорошее оружие. Теперь оставалось лишь пустить его в ход, чтобы выбить послабления для Вудсона. Но его мечта совсем отделялась от убитых им парней, почерневших за четыре дня в воде, даже не стояла на повестке дня. Сам он этого не признавал, зато я, его плохо оплачиваемый и мало ценимый государственный защитник, понимал отлично.

Когда зал опустел, мы с Винсентом взглянули друг на друга.

– Итак... – начал я.

Винсент покачал головой.

– Прежде всего, – заявил он, – хочу сразу прояснить: я не знал, что Торренс лжет.

– Ну конечно.

– Зачем бы я стал портить себе все дело?

Я отмел его возражение взмахом руки.

– Ладно, Джерри, перестань. Я еще до суда говорил, что твой парень стянул папку у моего клиента. Это очевидно. Вудсон никогда бы не стал болтать о подобном с незнакомым человеком, и все это понимали, кроме тебя.

Винсент покачал головой:

– Я не знал, Холлер. Его проверял наш лучший следователь, все было в порядке. Я, конечно, понимаю, что его разговор с твоим клиентом выглядит немного странным, но...

Я издал сухой смешок.

– Не разговор, Джерри. Признание. Есть разница, верно? Лучше подумай, так ли уж хорош твой хваленый следователь, если его работа не стоит и цента.

– Он мне заявил, что парень не умеет читать, а значит, не мог узнать информацию из досье. Про фотографии он ничего не говорил.

– Вот именно. Поэтому тебе и нужен новый следователь. И вот что я тебе скажу, Джерри. В таких ситуациях я обычно веду себя очень деликатно. Всегда стараюсь ладить с людьми из прокуратуры. Но хочу честно тебя предупредить – после перерыва я намерен сделать из этого парня отбивную. А ты будешь сидеть и хлопать глазами. – Меня разбирала злость, даже не

пришлось притворяться. – Когда я закончу с Торренсом, он будет выглядеть как ошипанная курица. Присяжные поймут: ты знал, что парень лжет, или настолько глуп, что не догадался. В любом случае вид у тебя будет дурацкий.

Винсент опустил голову и выровнял стопку лежавших перед ним бумаг. После паузы он негромко произнес:

– Я не желаю, чтобы ты продолжал допрос.

– Прекрасно. Тогда кончай нести чушь и сделай мне предложение, которое я смогу...

– Я не стану требовать высшей меры. От четвертака до пожизненного, без досрочного освобождения.

Я решительно покачал головой:

– Нет. Перед тем как его увели, Торренс сказал, что вообще не хочет сделки. Он заявил: «Мы можем выиграть это дельце». И я думаю, он прав.

– Что тебе нужно, Холлер?

– Не больше пятнадцати. Думаю, мне удастся уломать клиента.

Винсент замотал головой:

– Исключено. Если я спущу два хладнокровных убийства за такую мелочь, меня отправят разбирать жалобы на штрафы за парковку. Максимум, что я могу предложить, – двадцать пять с досрочным освобождением. И точка. При нынешнем раскладе он выйдет через шестнадцать-семнадцать лет. Не так уж плохо за убийство двух парней.

Я смотрел на него, пытаюсь разгадать, что он думает. Наверное, это действительно лучший вариант. И не так уж много за то, что натворил Барнетт Вудсон.

– Даже не знаю, – пробормотал я. – Он не хочет сделки.

Винсент покачал головой и взглянул на меня.

– Тогда уломай его, Холлер. Потому что дальше отступать я не могу, а если ты продолжишь допрос, моей карьере придет конец.

– Ты о чем, Джерри? По-твоему, я должен убирать за тобой дерьмо? Я поймал тебя со спущенными штанами, а ты мечтаешь, чтобы мой клиент натянул их тебе на задницу?

– Я хочу сказать, что это хорошее предложение для человека, чья вина абсолютно очевидна. Не просто хорошее – отличное. Поговори с ним, подключи свое обаяние, Микки. Уломай его. Мы оба знаем, что ты недолго просидишь в государственных защитниках. Когда-нибудь тебе придется жить в этом суровом мире без оклада, и, вероятно, я тебе чем-нибудь помогу.

Я взвесил это предложение. Я помогу ему, потом он поможет мне, а Торренс получит на пару лет больше, только и всего.

– Ему повезет, если он протянет за решеткой лет пять, не говоря уже про двадцать, – продолжил Винсент. – Так какая разница? Но мы – другое дело. Нам есть что терять, Микки. И мы поможем друг другу.

Я кивнул. Винсент был всего на несколько лет старше меня, но изображал древнего мудреца.

– Проблема в том, Джерри, что если я приму твоё предложение, то больше никогда не смогу смотреть в глаза своим клиентам. И в конце концов из меня самого сделают ошипанную курицу.

Я встал и собрал свои папки. Мой план был прост – дать Барнетту Вудсону рискнуть и выяснить, что из этого получится.

– Увидимся после перерыва! – бросил я и вышел из комнаты.

Часть вторая

«Город чемоданов»

2007

Глава 4

В этот раз Лорна Тейлор позвонила во вторник. Обычно она ждала до четверга, чтобы узнать, как мои дела. Я взял трубку, решив, что случилось нечто невероятное.

– Лорна?

– Микки, где ты был? Я звоню все утро.

– Бегал в парке. Только что из душа. Ты в порядке?

– Да. А ты?

– Нормально. Что случи...

– Тебя срочно хочет видеть судья Холдер. Тебе следовало быть у нее... примерно час назад.

Я замер.

– Зачем?

– Понятия не имею. Знаю только, что тебе звонила Микаэла, а потом сама судья, что случается редко. Она спрашивала, почему ты не отвечаешь.

Микаэла Джилл – судебный секретарь. А Мэри Таунс Холдер – председатель Верховного суда Лос-Анджелеса. Судя по тому, что она позвонила мне лично, речь шла отнюдь не о приглашении на благотворительный вечер для юристов. Мэри Таунс Холдер никогда не звонила адвокатам без веских причин.

– И что ты ей ответила?

– Сказала, что у тебя сегодня нерабочий день и ты прохлаждаешься на поле для гольфа.

– Я не играю в гольф, Лорна.

– Ну извини, больше ничего не придумала.

– Ладно, я ей перезвоню. Дай мне номер.

– Микки, не надо звонить. Надо ехать. Судья хочет тебя видеть. Она ясно дала это понять, хотя и не объяснила почему. Поезжай.

– Хорошо. Только переоденусь.

– Ты как вообще?

Это был «кодовый» вопрос. Я понимал, о чем она. Ей не хотелось, чтобы я предстал перед судьей в неподходящем виде.

– Не волнуйся, Лорна. Со мной все в порядке. Правда.

– Ладно. Позвони и расскажи обо всем, как только сможешь.

– Договорились. Позвоню.

Я повесил трубку с чувством, словно мной снова начала командовать жена – не бывшая, а настоящая.

Глава 5

Председатель Верховного суда Лос-Анджелеса Мэри Таунс Холдер чаще всего работала за закрытыми дверями. Иногда в ее зале проходили слушания по ходатайствам, но судебные заседания случались редко. Она трудилась вдали от публики, в кабинетах и палатах. В ее обязанности входил надзор над судебной системой округа Лос-Анджелес. А это больше сорока судов и около двухсот судебных коллегий. Все судебные повестки выходили за ее подписью, парковочные места в судебных гаражах распределялись с ее ведома. Она одобряла кандидатуры судей и решала, где и какими делами они будут заниматься: уголовными, гражданскими или семейными. После избрания нового судьи Холдер указывала, где он должен заседать, на Беверли-Хиллз или в Комптоне, и какие случаи рассматривать – громкие финансовые скандалы или нудные бракоразводные процессы.

Я быстро переоделся в свой «счастливый костюм». Он был импортный, итальянский, от Корнелиани. Обычно я надевал его в день вынесения приговора. Но поскольку я уже год не выступал в суде и лет сто не слышал никаких вердиктов, он висел зачехленным у меня в шкафу, и мне пришлось вытащить его из пластикового пакета. Затем я ринулся в суд, думая о том, что сегодня, похоже, приговор вынесут мне. По дороге мои мысли вертелись вокруг всех дел и клиентов, с которыми я расстался год назад. Насколько я знал, эти дела были закрыты, но, вероятно, поступила новая жалоба или до судьи дошли какие-нибудь слухи и она решила провести собственное расследование. В здание суда я вошел на дрожащих ногах. Вызов любого судьи не сулит ничего хорошего, а вызов председателя суда – тем более.

В зале царил полумрак, место секретаря возле трибуны пустовало. Я прошел между рядами и уже направился к выходу в задний коридор, когда дверь вдруг отворилась и появилась судебный секретарь. Микаэла Джилл была симпатичной, похожей на учительницу начальных классов. Открывая дверь, она не ожидала, что за ней буду стоять я. Микаэла вздрогнула и едва удержалась от крика. Я поспешил назвать себя, пока Микаэла не успела броситься к кнопке тревоги. Она перевела дух и молча прошагала мимо.

Я добрался до конца коридора и нашел судью в кабинете, восседавшей за большим столом из темного дерева. Ее черная мантия висела в углу на вешалке для шляп. Судья была в строгом темно-бордовом костюме. Стройная и прямая, с короткой стрижкой, в пятьдесят с лишним лет она выглядела подтянутой и привлекательной.

Раньше я никогда не виделся с судьей Холдер, хотя много о ней слышал. Она двадцать лет проработала в прокуратуре, пока один консервативно настроенный губернатор не сделал ее судьей. Холдер занималась уголовными делами и провела несколько крупных процессов, где преступники получили максимальные сроки наказания. Неудивительно, что ее выбрали на второй срок. Через четыре года она стала председателем суда и до сих пор удерживала этот пост.

– Мистер Холлер, спасибо, что пришли, – произнесла судья. – Рада, что секретарь вас наконец нашла.

В ее голосе слышались нетерпеливые, почти надменные нотки.

– Вообще-то, она не совсем секретарь, ваша честь. Но она действительно меня нашла. Простите, что заставил ждать.

– Главное, что вы здесь. Кажется, прежде мы с вами не встречались?

– Нет.

– Наверное, это выдаст мой возраст, но все-таки скажу – однажды я была оппонентом вашего отца. По-моему, незадолго до его отставки.

Значит, я ошибся с возрастом. Если она встречалась в суде с моим отцом, ей лет шестьдесят, не менее.

– Тогда я была третьим обвинителем – совсем зеленый новичок, только что после диплома. Меня решили «обкатать» в суде. Дали вести одного свидетеля в деле об убийстве. Я неделю готовилась к допросу, а ваш отец уничтожил меня за десять минут. Процесс мы выиграли, но я на всю жизнь запомнила урок. Надо быть готовым ко всему.

Я кивнул. За эти годы я встречал немало пожилых юристов, которым было что рассказать о Микки Холлере-старшем. В отличие от меня. Я хотел спросить о процессе, но не успел.

– Но я позвала вас не за этим, – добавила судья.

– Разумеется, ваша честь. Вероятно, произошло что-то... безотлагательное?

– Да. Вы были знакомы с Джерри Винсентом?

Я вздрогнул, заметив, что она говорит в прошедшем времени.

– С Джерри? Да, я его знаю. А что?

– Он мертв.

– Как?

– Его убили.

– Когда?

– Прошлой ночью. Мне очень жаль.

Я опустил голову и уставился на именную табличку на ее столе. «Достопочтенная М. Т. Холдер» – крупная надпись прописными буквами красовалась на деревянной подставке, где размещались церемониальный молоток, чернильница и перьевая ручка.

– Вы были с ним дружны? – спросила она.

Хороший вопрос, тем более что я не знал, как на него ответить. Я продолжал смотреть на стол.

– Мы встречались несколько раз в суде, когда он работал в офисе окружного прокурора, а я являлся государственным защитником. Потом, примерно в одно время, мы занялись частным бизнесом. Пару раз мы даже работали над общими делами – это были судебные процессы по наркотикам – и вообще оказывали друг другу разные услуги. Иногда он подкидывал мне то или иное дело, если сам не хотел им заниматься.

С Джерри Винсентом у нас были чисто деловые отношения. Мы нередко пропускали по рюмочке в заведении под названием «Четыре зеленые полянки» и виделись на бейсбольных матчах на стадионе «Доджер». Но называть это дружбой я бы не стал. За пределами бизнеса я о нем почти ничего не знал. Пару лет назад до меня дошли слухи, что Джерри разводится, но я его никогда не спрашивал. Это была личная информация, и она меня не касалась.

– Вы, видимо, забыли, мистер Холлер, что я тоже работала в офисе окружного прокурора в то время, когда мистер Винсент начинал свою карьеру. Но вскоре он проиграл одно крупное дело и его звезда закатилась. После этого он и занялся частной практикой.

Я взглянул на судью, но промолчал.

– Если не ошибаюсь, защитником в том деле были вы, – добавила она.

Я кивнул:

– Барнетт Вудсон. Он обвинялся в двух убийствах, но я добился оправдания. Выходя из суда, он насмешливо извинился перед прессой за то, что убийство сошло ему с рук. Окружной прокурор сел в лужу, и карьера Джерри завершилась.

– Тогда почему он работал с вами и даже подбрасывал вам свои дела?

– Потому, ваша честь, что благодаря мне он расстался с прокуратурой и начал карьеру адвоката.

Я замолчал, но судье этого было недостаточно.

– И что?

– Пару лет спустя он зарабатывал в пять раз больше, чем мог бы получать в прокуратуре. Однажды он позвонил мне и поблагодарил за то, что я наставил его на путь истинный.

Судья понимающе кивнула:

– Значит, все дело в деньгах. Он хотел денег.

Я лишь пожал плечами, не желая дурно говорить о покойнике.

– А что случилось с вашим клиентом? – спросила судья. – С человеком, которому сошло с рук убийство?

– Лучше бы он сел в тюрьму. Через два месяца после суда Вудсона убили в уличной перестрелке.

Судья снова кивнула, на сей раз удовлетворенно: справедливость восторжествовала.

– Не могу поверить, что Джерри убит, – произнес я. – Как это произошло?

– Пока точно неизвестно. Насколько я знаю, прошлой ночью его нашли в машине в служебном гараже. Он был застрелен. Есть информация, что полиция еще на месте преступления и никто пока не арестован. Сведения я получила от репортера «Таймс» – он позвонил мне узнать, что теперь будет с клиентами мистера Винсента, особенно с Уолтером Эллиотом.

Я кивнул. Последние двенадцать месяцев я находился в изоляции, но она была не настолько полной, чтобы пропустить историю об убийстве жены киномагната. Это было одно из самых крупных дел, которые Винсент вел в последние несколько лет. Несмотря на провал с Вудсоном, его прокурорское прошлое обеспечило ему быстрый старт в карьере уголовного адвоката. Он не искал клиентов, они его искали. Как правило, к нему обращались люди, обладавшие одним из трех необходимых качеств: они платили бешеные деньги за его услуги; их невиновность была очевидна всем и каждому; они были виновны, но за них горой стояли публика и общественное мнение. Подобных клиентов он мог смело поддерживать и защищать независимо от того, в чем их обвиняли. И руки у него всегда оставались чистыми.

Уолтер Эллиот удовлетворял по крайней мере одному из требований. Он являлся главой и владельцем «Арчуэй пикчерс», считался очень влиятельным человеком в Голливуде. Его обвиняли в том, что в приступе ярости он убил жену и ее любовника, застав их в домике на пляже Малибу. Процесс, замешанный на сексе и скандалах, широко освещался в прессе. Для Винсента это было хорошей рекламой, но теперь все дело должно перейти в другие руки.

Судья прервала мои размышления:

– Вы знаете, что такое НПП⁴ два-три-сто?

– Нет.

– Это подраздел в правилах поведения Калифорнийской коллегии адвокатов, где речь идет о продаже или передаче адвокатской практики. Разумеется, сейчас мы говорим о передаче. Судя по всему, мистер Винсент указал вас как своего преемника в договоре о представительстве. Кроме того, я выяснила, что десять лет назад он направил в суд ходатайство, согласно которому вы должны унаследовать его бизнес в случае его неспособности или смерти. Этот документ не подвергался никаким доработкам или правкам, и его смысл абсолютно ясен.

Я молча смотрел на нее. Мне было известно об этом пункте в договоре. Я сделал то же самое в своем, вписав его фамилию. Но до меня только теперь дошло, о чем говорит судья: я унаследую все дела Джерри. Включая дело Уолтера Эллиота.

Разумеется, это еще не означало, что я действительно стану их вести. После смерти Джерри каждый клиент мог выбрать себе любого другого адвоката. Но я получил право «первого выстрела».

Все это заставило меня призадуматься. Уже год у меня не было ни одного клиента, и я планировал вернуться к бизнесу постепенно, а не с горой унаследованных дел.

– Однако, – продолжила судья, – не спешите радоваться. Должна вас предупредить: я буду считать себя плохим судьей, если не приложу все усилия к тому, чтобы клиенты мистера Винсента получили самого компетентного и добросовестного адвоката.

---

⁴ Нормы профессионального поведения (*англ.* Rules of Professional Conduct).

Ага, понятно. Холдер вызвала меня, чтобы объяснить, почему я не смогу принять клиентов Винсента. Она решила оспорить волю погибшего адвоката и передать дела кому-то иному, скорее всего одному из богатых спонсоров своей предвыборной кампании. Что касалось меня, я не пожертвовал ей ни цента.

Но судья меня удивила.

– Я говорила с судьями, – добавила она, – и узнала, что вы почти год не занимались юридической практикой. Никаких объяснений данному факту не нашла. Поэтому, прежде чем одобрить вашу кандидатуру в качестве адвоката-заместителя, я должна убедиться, что не отдам клиентов мистера Винсента в плохие руки.

Я одобрительно кивнул, пытаясь выиграть немного времени.

– Вы правы, ваша честь. Можно сказать, на какое-то время я вышел из игры. Но теперь собираюсь вернуться.

– А почему вы перестали практиковать?

Она говорила резким тоном, не спуская с меня глаз, словно пыталась уловить в моих словах малейшее отклонение от правды.

– Ваша честь, пару лет назад у меня было одно дело. Клиента звали Луис Рулет...

– Я помню это дело, мистер Холлер. В вас тогда стреляли. Но вы сами сказали, что это было два года назад. Потом вы еще какое-то время работали. Кажется, в прессе писали, что вы вернулись к адвокатской практике.

– Верно. Проблема в том, что я вернулся слишком быстро. Ранение было в живот, мне следовало хорошенько подлечиться. А я сразу взялся за работу. Вскоре начались боли, и врачи определили, что у меня грыжа. Пришлось сделать операцию, она прошла неудачно, возникли осложнения. Снова боли, вторая операция... в общем, на время это выбило меня из седла. Я решил, что не стану возвращаться до тех пор, пока не почувствую себя лучше.

Разумеется, я не стал упоминать о том, что пристрастился к обезболивающим и прошел курс лечения в центре реабилитации.

– Деньги у меня имелись, – продолжил я. – Кое-что накопил, к тому же мне выплатили страховку. Спешить было некуда. Но теперь я в порядке. Собираюсь дать объявление в газетах.

– Значит, унаследованные вами дела придется как нельзя кстати, не так ли? – Ее вкрадчивый тон заставил меня насторожиться.

– Могу заверить вас, ваша честь, что буду добросовестно заботиться о клиентах Джерри Винсента.

Судья кивнула, не глядя в мою сторону. Ей что-то известно. И ее это беспокоит. Вероятно, она знает о реабилитации.

– Судя по записям адвокатской коллегии, на вас несколько раз накладывали дисциплинарное взыскание, – заметила Холдер.

Ну вот, приехали. Значит, она все-таки отдаст дела другому адвокату. Какому-нибудь спонсору из Сенчури-Сити⁵, который не способен разобраться в уголовном судопроизводстве даже ради членства в Ривьера-клубе.

– Это давняя история, ваша честь. Чисто технические неувязки. В коллегии я на хорошем счету. Если вы им позвоните, уверен, они подтвердят.

Судья опустила голову и посмотрела на лежавшие перед ней документы.

– Ну что ж, хорошо.

Она поставила подпись на последней странице. Я почувствовал, как внутри меня что-то задрожало.

– Вот ордер на передачу адвокатской практики, – произнесла Холдер. – Полагаю, он вам понадобится, когда вы придете в офис Винсента. А теперь послушайте, что я вам скажу. Я

---

⁵ *Сенчури-Сити* – деловой центр Лос-Анджелеса.

буду за вами следить. Уже в начале следующей недели на моем столе должен лежать полный перечень принятых вами дел. А заодно отчет о состоянии каждого дела и список всех клиентов. Я хочу знать, кто из них станет работать с вами, а кто предпочтет другого адвоката. Затем вы каждую неделю будете предоставлять мне сведения обо всех делах, которые останутся в вашем ведении. Вам понятно?

– Вполне, ваша честь. Как долго?

– Что?

– Как долго мне придется предъявлять еженедельные отчеты?

Она бросила на меня жесткий взгляд:

– Пока я сочту нужным. – Судья протянула мне ордер. – Можете идти, мистер Холлер. На вашем месте я бы позаботилась о том, чтобы защитить своих клиентов от незаконных посягательств полиции на их досье. Если у вас возникнут какие-либо проблемы, звоните мне. Я написала на ордере номер своего домашнего телефона.

– Да, ваша честь. Спасибо.

– Удачи, мистер Холлер.

Я встал и направился к выходу. У двери я оглянулся. Судья сидела, опустив голову, и уже работала над документами.

В коридоре я просмотрел два листочка, которые дала мне Холдер: решил убедиться, что все это мне не приснилось.

Нет, я не ошибся. В документе было сказано, что я назначен преемником Джерри Винсента, по крайней мере на первое время. Это давало мне доступ к его офису, документам и банковским счетам с авансами, полученными от клиентов.

Достав мобильник, я позвонил Лорне Тейлор и попросил найти адрес офиса Джерри Винсента. Когда она это сделала, я предложил ей поскорее прибыть в офис, прихватив с собой два сэндвича.

– Зачем? – спросила она.

– Не успел пообедать.

– Нет, зачем мы едем в офис Джерри Винсента?

– Потому что мы снова в деле.

Глава 6

Пока я ехал в своем «линкольне» к офису Джерри Винсента, в голову мне пришла еще одна идея, и я перезвонил Лорне Тейлор. Она не ответила, тогда я набрал номер ее мобильного.

– Мне нужен следователь. Ты не против, если я приглашу Сиско?

Лорна ответила не сразу. Сиско – Деннис Войцеховски, ее новый приятель, с которым она встречалась последний год. Я сам их познакомил, когда мы вместе работали над очередным делом. Слышал, что они живут вместе.

– Конечно, почему бы нет. Только сначала объясни, о чем идет речь.

Для Лорны Джерри Винсент всегда был только голосом по телефону. Она отвечала на его звонки, когда он спрашивал, могу ли я подменить его в суде или присмотреть за клиентом после приговора. Встречались ли они когда-нибудь лично, я не знал. Хотел рассказать ей обо всем, но события развивались слишком быстро.

– Джерри Винсент мертв.

– Что?

– Его убили прошлой ночью, и я получил права на все его дела. Включая дело Уолтера Эллиота.

Она помолчала.

– Боже мой... Но почему? Он был таким приятным человеком.

– А я думал, что вы никогда не виделись.

Лорна работала у себя дома, в Западном Голливуде. Мои телефонные звонки и счета проходили через нее. Конечно, если бы у меня имелся офис с вывеской «Майкл Холлер и компания», она могла бы сидеть там. Но я трудился на заднем сиденье собственного автомобиля, поэтому у Лорны было мало шансов встретиться с людьми, которых я нанимал или представлял в суде.

– Он был на нашей свадьбе, помнишь?

– Ах да. Забыл.

– Просто не верится. Что произошло?

– Холдер сказала, что его убили в служебном гараже. Может, удастся что-нибудь выяснить на месте.

– У него была семья?

– Кажется, он развелся, но насчет детей и прочего я не в курсе. Вроде нет.

Мы помолчали, погружившись в свои мысли.

– Значит, я звоню Сиско, – произнес я. – Ты не знаешь, чем он сейчас занят?

– Нет, он не говорил.

– Ладно, я выясню.

– Какой тебе купить сэндвич?

– А ты куда поедешь?

– На бульвар Сансет.

– Тогда заскочи в «Дасти» и возьми с индейкой и клюквенным соусом. Я их уже год не ел.

– Договорились.

– И прихвати что-нибудь для Сиско, на случай если он проголодается.

– Ладно.

Я убрал телефон и поискал адрес Денниса Войцеховски в записной книжке, которая лежала у меня в бардачке. У меня был записан номер его сотового. Когда он ответил, я услышал в трубке шум ветра и рев мотора. Деннис ехал на мотоцикле, и мне пришлось орать изо всех сил, хотя я знал, что наушник и микрофон мобильного встроены прямо в его шлем.

– Это Микки Холлер! Убавь газ.

Я подождал, пока он сбросит обороты на своем «харлей-дэвидсоне».

– В чем дело, Микки? – спросил Деннис, приглушив мотор. – Давно о тебе не слышал.

– Поставь себе глушитель, парень. Иначе к сорока годам ты оглохнешь и вообще ничего не услышишь.

– Мне уже за сорок, и я отлично тебя слышу. Так что случилось?

Войцеховски был внештатным детективом со стороны защиты, и я прибегал к его помощи в нескольких делах. С Лорной он познакомился, когда пришел за гонораром. К этому времени я уже лет десять знал его по байкерскому клубу «Ангелы дорог», чьи интересы регулярно представлял в суде. Деннис никогда не носил цвета клуба, но неофициально считался его членом. Местные байкеры даже дали ему прозвище, в основном потому, что у них уже был один Деннис – известный как Деннис Ураган, – а фамилию Войцеховски они выговорить не могли. Подтрунивая над ним из-за усов и смуглой кожи, его прозвали Малышом Сиско. Не важно, что он был чистокровным поляком из южных районов Милуоки. Крупный и широкоплечий Сиско выглядел весьма внушительно, но при разъездах с «Ангелами дорог» обычно держал себя в рамках. За ним не числилось ни одного ареста, и это сильно помогло ему в тот день, когда он решил получить лицензию частного детектива. Теперь, много лет спустя, длинные волосы сменились короткой стрижкой, а аккуратные усики покрылись сединой. Но прозвище Сиско и привычка к мотоциклам «харлей-дэвидсон» остались на всю жизнь.

Сиско был умным и дотошным детективом. Кроме того, у него имелось еще одно достоинство: при своих габаритах он мог нагнать страху на кого угодно. Очень полезное свойство, когда имеешь дело с криминальным миром.

– Для начала скажи, где ты, – предложил я.

– В Бербанке.

– Чем-то занят?

– Нет, просто катаюсь. А у тебя для меня что-нибудь есть? Подцепил какое-то дело?

– Не одно, а кучу дел. Мне нужен детектив.

Я продиктовал ему адрес офиса Винсента и попросил приехать как можно скорее. Я понимал, что у Винсента наверняка был собственный детектив, а может, и не один, и Сиско потеряет много времени, пока войдет в курс дела, но меня это не волновало. Гораздо важнее иметь детектива, с которым ты уже работал и доверяешь ему. Я собирался сразу загрузить его работой, отправив по адресам новых клиентов. По опыту знал, что люди, замешанные в уголовных преступлениях, часто предоставляют ложные данные, заполняя адвокатские анкеты.

Отключив телефон, я заметил, что только что проехал мимо здания, в котором находился офис Винсента. Оно было на Бродвее рядом с Третьей улицей, и про обратный разворот при таком движении можно забыть. Я потратил десять минут, проталкиваясь назад и застревая на каждом светофоре. Добравшись до места, я вконец измучился и решил быстрее нанять водителя, чтобы целиком сосредоточиться на делах, а не ломать голову над дорожными проблемами.

Офис Винсента располагался в большом шестиэтажном здании, известном как Юридический центр. Поскольку по соседству находилось множество городских судов, как гражданских, так и уголовных, здание заполняли судебные адвокаты. Наверное, все, кто имел зуб на адвокатов, – например, копы или доктора, – при каждом землетрясении мечтали, чтобы это сооружение рухнуло в первую очередь. Я увидел просвет для проезда к гаражу и поспешно повернул в ту сторону.

Пока я получал квитанцию из въездного аппарата, ко мне приблизился полицейский. В руках у него был планшет.

– Сэр? У вас здесь какие-то дела?

– А иначе зачем бы я приехал.

– Вы не могли бы сказать точнее, сэр?

– А какое вам до этого дело, офицер?

– Сэр, мы ведем расследование убийства, и прежде чем пустить вас в гараж, я должен знать цель вашего появления.

– Тут находится мой офис. Этого достаточно?

Я не солгал. В кармане у меня лежал ордер судьи Холдер. Теперь у меня офис в этом доме.

Мой ответ устроил копа. Он лишь попросил меня показать удостоверение. Я мог бы возмутиться, но не стал раздувать из пустяка дело федерального значения. Вытащив бумажник, я предъявил ему документы, он записал в свой журнал мою фамилию и номер водительской лицензии.

– Парковка на втором уровне пока запрещена! – бросил он вдогонку. – Там работают криминалисты.

Я махнул рукой и двинулся вверх по пандусу. Второй этаж действительно пустовал, если не считать двух патрульных машин и черного «БМВ», который как раз затаскивали на полицейский эвакуатор. Машина Винсента, подумал я. Еще два копа сворачивали желтую ограждающую ленту, которой обнесли отсек второго этажа. Один знаком показал, чтобы я проезжал дальше. Детективов я не заметил, но полиция работала на месте преступления.

Я долго тащился наверх, пока на пятом этаже не нашел место для своего «линкольна». Еще одна причина, чтобы нанять водителя.

Офис находился на втором этаже со стороны фасада дома. Матовая дверь была прикрыта, но не заперта. Я вошел в приемную с пустыми креслами и стойкой, за которой сидела женщина с красными от слез глазами. Она говорила по телефону, а увидев меня, молча отложила трубку.

– Вы из полиции? – спросила она.

– Нет.

– В таком случае офис сегодня не работает.

Я шагнул к стойке и вытащил из кармана ордер судьи Холдер.

– Только не для меня, – сказал я, протянув ей бумагу.

Женщина развернула документ, но читать не стала. Я заметил, что она сжимает в руке носовой платок.

– Что это? – удивилась она.

– Судебное распоряжение. Меня зовут Майкл Холлер, судья Холдер назначила меня замещающим адвокатом по всем делам Джерри Винсента. Теперь мы будем работать вместе. Можете звать меня Микки.

Она тряхнула головой, словно пытаясь избавиться от наваждения. Вообще-то, обычно я произвожу лучшее впечатление на женщин.

– Это невозможно. Мистер Винсент был бы против!

Я взял у нее распоряжение и развернул перед ее глазами. Потом убрал в карман.

– Очень даже возможно. Решение председателя Верховного суда Лос-Анджелеса. Если вы внимательнее взглянете на договоры, которые мистер Винсент подписывал с клиентами, то увидите на них мою фамилию в качестве второго адвоката. То, что вы думаете о пожеланиях мистера Винсента, не имеет значения, поскольку он сам назначил меня в качестве заместителя в случае своей неспособности или... смерти.

Взгляд женщины подернулся дымкой. Потекла тушь для ресниц. Вид нее был неряшливый и почти комический. Мне вспомнилась Лайза Минелли.

– Если хотите, можете позвонить судье Холдер и обсудить это с ней, – продолжил я. – А мне пора приступать к работе. Знаю, у вас сегодня очень трудный день. И у меня тоже – ведь я знал Джерри, когда он еще работал в прокуратуре. Так что примите мои соболезнования.

Я кивнул, ожидая получить ответ, но не дождался. Значит, надо действовать жестче.

– Начнем с самого главного. Мне нужен ежедневник Винсента. Необходим полный список текущих дел, которые вел Джерри. Затем вы должны предоставить мне материалы по всем клиентам...

– Он пропал.

– Кто пропал?

– Его ноутбук. Полиция сказала, что преступник взял из машины его портфель. Все данные находились там.

– Данные по делам? А бумажные оригиналы?

– Они тоже пропали. Бумаги лежали в том же портфеле. Их забрали.

Секретарша смотрела перед собой. Я постучал по монитору на ее столе.

– Как насчет данного компьютера? – спросил я. – Разве он не копировал сюда свой ежедневник?

Женщина не ответила, и я повторил вопрос:

– Так у Джерри были копии ежедневника? Я могу их посмотреть?

Наконец она подняла голову и усмехнулась:

– Я не занималась ежедневником. Он сам его вел. Хранил все данные в своем ноутбуке, а оригинал – в старом портфеле, который носил с собой. Теперь пропало и то и другое. Полиция заставила меня все обыскать, но я ничего не обнаружила.

Пропажа ежедневника – проблема, но не такая уж серьезная.

– А как насчет досье? Джерри тоже носил их в портфеле?

– Не думаю. Они здесь, в компьютере.

– Отлично. Тогда мы соберем информацию по текущим делам и восстановим его рабочий график. Кроме того, мне понадобятся бухгалтерские книги и чековые книжки по активным и трастовым счетам.

Она резко взглянула на меня:

– Вы не возьмете его деньги!

– При чем тут...

Я прикусил язык, перевел дух и начал говорить спокойно и доходчиво:

– Видимо, мне нужно извиниться. Я поступил неправильно. Я не знаю вашего имени. Как вас зовут?

– Рен Уильямс.

– Хорошо, Рен, позвольте кое-что вам объяснить. Это не его деньги, а клиентов. А клиенты Джерри являются моими, пока они сами не решат иначе. Я сказал, что вполне понимаю ваш эмоциональный шок, и согласен с тем, что у вас был очень тяжелый день. Нечто подобное я испытал и сам. Но вы должны определить – причем прямо сейчас, – со мной вы или нет. Потому что, если вы со мной, мне нужно немедленно получить все то, о чем я вам говорил. Кроме того, я рассчитываю на ваше сотрудничество с моим менеджером, который скоро появится здесь. А если вы против, вам лучше сразу отправиться домой.

Она покачала головой:

– Детективы сказали, что я должна оставаться здесь, пока они не закончат осмотр.

– Какие детективы? Я видел только двух полицейских.

– Детективы в кабинете мистера Винсента.

– Как, вы позволили...

Резко развернувшись, я направился к двустворчатой двери напротив стойки и открыл левую створку.

В огромном кабинете Джерри Винсента не было ни души. Сделав круг по комнате, я оказался перед пучеглазой рыбой, висевшей на стене над темным полированным шкафчиком рядом с дверью, через которую я вошел. Рыба была цвета изумрудной зелени, с белым брюхом.

Она выгнулась, застыв в картинной позе, словно ее только что вытащили из воды. Рот она разинула так, что я легко мог бы вставить в него палец.

Чуть ниже рыбы на стене висела медная дощечка с надписью: «Держи я рот на замке, не висела бы здесь». Мудрые слова. Язык чаще доводит до тюрьмы, чем выпускает на свободу. Лучший совет, который я дал клиенту: держи рот на замке. Ни с кем не говори о своем деле, даже с женой. Советуйся только сам с собой. Сиди и помалкивай, пока все не закончится.

За спиной раздался звук резко выдвинутого металлического ящика. Я обернулся. В противоположной стене виднелись две двери. Обе были приоткрыты, и через одну я увидел темный туалет, а за второй дверью была светлая комната.

Я быстро подошел ко второй двери и распахнул ее. За ней располагался архив – большая ниша без окон, с железными картотеками вдоль стен. Сбоку стоял стол.

За столом сидели двое. Один пожилой, другой помоложе. Наверное, наставник и стажер. Пиджаки они сняли и перекинули через спинки стульев. Я увидел их наплечные кобуры с рукоятками пистолетов и полицейские жетоны, подвешенные на ремнях.

– Что вы здесь делаете? – резко спросил я.

Мужчины оторвались от бумаг. На столе громоздились стопки с папками. В глазах старшего детектива промелькнуло удивление.

– Полиция Лос-Анджелеса, – произнес он. – А вы что здесь делаете?

– Это мои бумаги, и я прошу немедленно вернуть их на место.

Тот, что постарше, встал и шагнул ко мне. Я потянулся за судебным ордером.

– Меня зовут...

– Я знаю, кто вы такой. Но все равно не понимаю, что вы тут делаете.

Я протянул ордер:

– Вероятно, это вам все объяснит. Председатель Верховного суда назначил меня заместителем по делам Джерри Винсента. Теперь его клиенты – мои клиенты. И вы не имеете права читать их досье. Это подпадает под статью незаконного вторжения и обыска. Здесь может содержаться конфиденциальная информация, касающаяся только адвоката и клиента.

Детектив даже не стал читать ордер – лишь мельком взглянул на подпись и печать. Кажется, это не произвело на него никакого впечатления.

– Винсента убили, – заметил он. – И разгадка убийства может крыться в этих папках. Мотивы, личность преступника. Мы обязаны...

– Нет. Вы обязаны немедленно покинуть мой кабинет.

Мужчина не шевельнулся.

– Речь идет о месте преступления, – возразил он. – Это вы должны покинуть помещение.

– Прочтите ордер, детектив. Я останусь тут. Место преступления находится в гараже, и ни один судья в городе не позволит вам перенести его в данный кабинет. Вы должны уйти и дать мне возможность приступить к работе.

Он не взглянул на ордер и не двинулся с места.

– Если я уйду, то мне придется закрыть и опечатать кабинет.

Не люблю ссориться с копами, но иногда все-таки приходится.

– Хорошо, через час я получу разрешение снять печать. Что касается вас, вы предстанете перед председателем Верховного суда и дадите объяснение, как и почему нарушили права всех клиентов Винсента. Только представьте, о каких цифрах идет речь: это будет рекорд даже для лос-анджелесской полиции.

Детектив усмехнулся, словно мои угрозы его позабавили. Он взял судебный ордер.

– Значит, вам передают дела?

– Вот именно, по крайней мере на данный момент.

– Всю юридическую практику?

– Да, пока каждый клиент не решит, оставаться со мной или найти кого-нибудь другого.

– Что ж, тогда вы попадаете в наш список.

– Какой список?

– В список подозреваемых.

– Что? Смешно. С какой стати?

– Вы же сами только что сказали. Вам достались все дела жертвы. А это немалый куш, не так ли? Винсент мертв, и вы его наследник. По-моему, вполне достаточный мотив для убийства. Кстати, не хотите сообщить, где вы находились вчера с восьми часов вечера до двенадцати часов ночи?

Глаза у полицейского были карие и настолько темные, что я не видел границы между радужной оболочкой и зрачком. Как у акулы, они казались абсолютно черными, не излучая и не отражая света.

– Не стану даже возражать, это просто нелепо. Если желаете, можете справиться у судьи: я не знал, что меня могут назначить на место Винсента.

– Не волнуйтесь. Мы все тщательно проверим.

– Отлично. А теперь покиньте комнату, или я позвоню судье.

Мужчина вернулся к столу, взял пиджак и перекинул через руку. Потом поднял одну папку и протянул мне.

– Вот вам ваше досье, адвокат. Смотрите не подавитесь.

Детектив направился к двери, его напарник последовал за ним. Я проводил их в кабинет, решив, что надо слегка разрядить атмосферу. Кто знает, может, мы еще увидимся.

– Мне очень жаль, что все так получилось. Я всегда стараюсь сотрудничать с полицией и надеюсь, что мы поладим. Но сейчас мне надо заботиться о своих клиентах. Я даже не знаю, что в этих папках. Дайте мне немного времени...

– Нет у нас времени! – бросил полицейский. – Потеряешь минуту – провалишь дело. Вы хоть понимаете, во что ввязались?

Я взглянул на него, пытаюсь понять, что он имеет в виду.

– Думаю, да. Я занимаюсь адвокатурой всего восемнадцать лет, но...

– Я говорю не о вашем опыте, а о том, что случилось в гараже. Тот, кто убил Винсента, поджидал его там. Он знал, как к нему подобраться. Это была засада.

Я кивнул.

– На вашем месте, – продолжил детектив, – я бы вел себя осторожнее с вашими новыми клиентами. Джерри Винсент наверняка знал своего убийцу.

– Но ведь раньше он работал обвинителем! Посылал людей в тюрьму. Вероятно, кто-то из них...

– Мы проверим. Но это было давно. Полагаю, имя преступника содержится в этих папках. Полицейские развернулись и двинулись к выходу.

– Подождите! – крикнул я. – У вас есть визитка?

Детективы остановились и посмотрели на меня. Старший достал из кармана визитную карточку и протянул мне.

– Тут все мои контакты.

– Дайте мне время немного осмотреться, и я вам сразу же позвоню. Уверен, мы что-нибудь придумаем. Наверняка есть способ наладить сотрудничество, не нарушая ничьих прав.

– Разумеется. Вы же адвокат.

Я кивнул и взглянул на карточку. Гарри Босх. Никогда с ним раньше не встречался. Но почему он сказал, что знает меня?

– Детектив Босх, – произнес я, – мы с Джерри работали вместе. Дружили.

– И что?

– Ничего. Удачи вам. Надеюсь, вы раскроете это дело.

Босх кивнул, и его жест показался мне знакомым. Может, мы все-таки встречались?

Он шагнул к двери вслед за напарником.

– Детектив?

Босх обернулся.

– Мы раньше никогда не сталкивались по работе? Мне кажется, я вас уже видел.

Детектив улыбнулся и ответил:

– Нет. Если бы мы столкнулись по работе, вы бы меня обязательно запомнили.

Глава 7

Через час я, Лорна Тейлор и Деннис Войцеховски сидели за столом Джерри Винсента. Мы ели сэндвичи и просматривали материалы и бумаги, найденные в офисе. Сэндвичи оказались хороши, но настроение они нам не улучшили.

Я отпустил Рен Уильямс домой. Она все время плакала и возмущалась тем, что я пытаюсь забрать дела ее шефа. Я решил, что от нее проще избавиться, чем вести с ней вечную войну. Когда я провожал Рен до двери, она спросила, не намерен ли я ее уволить. Я ответил, что решение присяжных еще не принято и завтра утром она должна, как всегда, явиться на работу.

Без Рен Уильямс и Джерри Винсента мы блуждали впотьмах, пока Лорна не сообразила, как отсортированы материалы, и не выделила из них текущие дела. По деловым заметкам, найденным в папках, она составила ежедневник, или рабочий календарь, – самую важную вещь в профессиональной жизни любого адвоката. После этого дышать стало легче, и мы решили прерваться на обед, взявшись за коробки с сэндвичами, которые Лорна привезла из «Дасти».

Календарь оказался не особо перегружен. Предстояло несколько слушаний в суде, но, в общем, было ясно, что Винсент старался расчистить место для грядущего процесса по делу Уолтера Эллиота, который начинался через девять дней.

– Итак, приступим, – произнес я, дожевывая последний кусок. – Если верить составленному нами календарю, через сорок пять минут я должен находиться на объявлении приговора. Поэтому давайте быстро все обсудим, и я отправлюсь в суд. Затем, после моего возвращения, еще раз посмотрим дела, и мы с Сиско поедem по клиентам.

Все дружно закивали. На усах Сиско остался клюквенный соус.

Лорна выглядела так же красиво и эффектно, как всегда. Она обладала потрясающей внешностью и умела смотреть на людей так, что они начинали чувствовать себя центром Вселенной. Я платил ей жалованье весь год, пока сидел без дел. Благодаря страховому полису это было не особенно накладно, и я не хотел, чтобы к моменту моего возвращения в бизнес она оказалась у другого адвоката.

– Начнем, пожалуй, с денег, – предложил я.

Лорна кивнула. Разобравшись с текущими делами и передав мне папки с документами, она взялась за банковские документы – вещи не менее важные, чем рабочий календарь. С их помощью мы могли выяснить, какими средствами располагает фирма Винсента и насколько успешно он вел свои дела.

– По поводу денег две новости: плохая и хорошая, – сообщила Лорна. – У него тридцать восемь тысяч на операционном счете и сто двадцать девять тысяч – на трастовом.

Я присвистнул. Кругленькая сумма. На трастовый счет кладутся деньги от клиентов. Как только начинается судебное разбирательство, деньги соответствующего клиента переходят на операционный счет. Я всегда предпочитал иметь больше денег на операционном счете, чем на трастовом, поскольку все, что переводится на операционный счет, автоматически становится моим.

– Разница неслучайна, – объяснила Лорна, заметив мое удивление. – Буквально накануне Винсент получил сто тысяч долларов от Уолтера Эллиота. Депозит сделали в пятницу.

Кивнув, я постучал пальцем по импровизированному календарю, разложенному на столе. Он был наспех набросан на блокноте с линованной бумагой. От Лорны требовалось перенести его в нормальный ежедневник. Кроме того, она должна была закачать на мой компьютер график судебных заседаний и электронную версию календаря, а затем сбросить копию на какой-нибудь внешний носитель информации, что в свое время следовало бы сделать Винсенту.

– Процесс Эллиота начнется в четверг на следующей неделе, – пробормотал я. – Вот почему он положил сотню.

Порой надо произносить очевидное вслух, чтобы осенила новая идея.

– Как только закончим, позвони в банк, – обратился я к Лорне. – Проверь, был ли сделан клиринг чека. Если нет, попробуй его протолкнуть. Вероятно, услышав о смерти Винсента, Эллиот захочет аннулировать перевод.

– Ясно.

– Что там еще с деньгами? Если Эллиот положил сотню, чьи остальные?

Лорна открыла бухгалтерскую книгу. Каждый доллар в трастовом фонде можно отследить на принадлежность тому или другому клиенту. Адвокат в любой момент должен знать, сколько денег из аванса переведено на операционный счет и может быть пущено в дело, а сколько осталось в запасе. Сто тысяч на трастовом счете было записано на Уолтера Эллиота. Значит, на все остальные дела приходилось двадцать девять тысяч. Не так уж много, если вспомнить, сколько папок мы нашли в его картотеке.

– Есть сведения по деньгам? – спросил я.

Лорна покачала головой:

– Пока нет. Когда ты уедешь, я позвоню в банк и начну с этим работать. Хочешь, чтобы мы оба имели право подписи?

– Да, как и по моим счетам.

Я не думал, что с переходом денег Винсента в мои руки возникнут какие-то проблемы. Для этого мне и нужна была Лорна. В финансовых вопросах она понимала больше меня. Она разбиралась в них так хорошо, что иногда я жалел о том, что мы поженились, и о том, что развелись.

– Надо выяснить, может ли Рен Уильямс подписывать чеки, – произнес я. – Если да, следует вычеркнуть ее из списка. Сейчас распоряжаться счетами должны лишь ты и я.

– Хорошо. Очевидно, тебе придется обратиться к судье Холдер за ордером для банка.

– Без проблем.

Мне нужно было уходить минут через десять. Я повернулся к Войцеховски:

– Удалось что-нибудь раскопать?

Раньше я попросил его задействовать свои связи и как можно больше разузнать об убийстве Винсента. Меня интересовало, какие шаги намерена предпринять полиция в связи с тем, что, как говорил Босх, следствие связывало это преступление с унаследованными мной делами.

– Не много, – ответил Сиско. – Детективы еще не вернулись в Паркер-центр. Я позвонил одному парню из судмедэкспертизы, пока они обрабатывают результаты. Он скупо говорил о том, что у них есть, зато много рассказал о том, чего нет. По мнению полиции, в Винсента стреляли не менее двух раз. Гильзы до сих пор не найдены. Преступник сработал чисто.

Значит, злоумышленник либо стрелял из револьвера, либо настолько хорошо владел собой, что мог хладнокровно собрать гильзы после убийства.

Сиско продолжил:

– Я позвонил одной женщине из отдела коммуникаций, и она сообщила, что первый звонок в полицию поступил без четверти час. Это поможет точнее определить момент смерти.

– Они выяснили, что там произошло?

– Похоже, в понедельник Винсент задержался в офисе. По понедельникам он вообще работал допоздна, готовя материалы на всю неделю. Потом Винсент собрал портфель, запер дверь и вышел. Спустившись в гараж, он сел в машину и получил пулю в окно со стороны водителя. Когда его нашли, в салоне работал мотор. Стекло было опущено. Ночью в гараже прохладно. Он мог опустить стекло, чтобы подышать свежим воздухом или поговорить с подошедшим к автомобилю человеком.

– С человеком, которого он знал.

– Вероятно.

Я вспомнил слова Босха.

– В гараже никого не было?

– Нет, дежурный ушел в шесть вечера. После шести все просто бросают в аппарат монетку или прикладывают карточку с месячным абонементом. У Винсента была карточка.

– Как насчет камер?

– Камеры висят на въезде-выезде. Они нацелены на номера автомобилей, чтобы в случае чего можно было выяснить, заезжала машина или нет. Но парень из судмедэкспертизы говорит, что на пленке не осталось ничего интересного. Убийца появился в гараже не на автомобиле. Он пришел туда пешком из здания или через уличный вход.

– Кто обнаружил Джерри?

– Охранник. У них один человек охраняет и здание, и гараж. Ночью он пару раз заглянул вниз и заметил машину Винсента. Фары были включены, мотор работал. Сначала он решил, что Винсент заснул, а потом увидел кровь.

Я кивнул, стараясь представить, как это произошло. Либо убийца невероятно беспечен, либо знал, что камеры в гараже работают только при въезде-выезде. И в понедельник вечером он сможет застать Винсента в практически пустом помещении.

– Хорошо, копай дальше. Как там Гарри Поттер?

– Кто?

– Детектив. То есть не Гарри Поттер. Я хотел сказать...

– Босх. Гарри Босх. Я навел о нем справки. Кажется, он один из лучших. Несколько лет назад ушел в отставку, но вскоре шеф полиции лично попросил его вернуться. По крайней мере, так мне говорили.

Сиско заглянул в блокнот.

– Полное имя Иероним Босх. Рабочий стаж тридцать три года, а ты сам понимаешь, что это значит.

– И что это значит?

– В полиции Лос-Анджелеса полную пенсию получают после тридцати лет службы, а потом можешь трудиться сколько угодно – размер пенсии уже не увеличивается. Так что нет смысла работать дальше.

– Если ты не фанат своего дела.

Сиско кивнул:

– Вот именно. Те, кто остается после тридцати лет стажа, делают это не ради денег и не ради службы. Для них это больше, чем служба...

– Подожди, ты сказал, его зовут Иероним Босх? Как художника?

Мой помощник сдвинул брови:

– Насчет художника не знаю. Но так его зовут. Мне объяснили, что рифмуется со словом «аноним». Странное имя, по-моему.

– Войцеховски – тоже странное.

Сиско собирался возразить, но его перебила Лорна:

– Ты вроде говорил, что не знаком с ним, Микки.

Я покосился на нее и покачал головой.

– Никогда с ним раньше не встречался, но вот имя... Оно мне знакомо.

– По картинам?

Мне не хотелось углубляться в далекое прошлое.

– Не важно, – произнес я и встал. – Мне пора идти. Сиско, продолжай следить за расследованием убийства и выясни все о Босхе. Я хочу знать, насколько ему можно доверять.

– Надеюсь, ты не позволишь ему заглянуть в досье? – поинтересовалась Лорна.

– Это было не случайное убийство. Преступник знал, как добраться до Джерри Винсента. И я буду чувствовать себя намного лучше, если наш доблестный детектив прижмет этого парня

к ногтю. – Я вышел из-за стола и направился к двери. – Мне надо быть у судьи Шампейн. Возьму несколько папок, чтобы просмотреть по дороге.

– Пойдем вместе, – предложила Лорна.

Я заметил, что она знаком попросила Сиско остаться. Мы вышли из приемной. Я догадывался, что у Лорны на уме, но решил послушать ее.

– Микки, ты уверен, что готов к этому?

– Абсолютно.

– План был другой. Ты собирался вернуться постепенно, помнишь? Взять пару дел и двигаться дальше. А теперь у тебя целая практика.

– Я не практикую.

– Ладно, не шути.

– Я серьезно. Я готов. Разве ты не видишь, что все выходит намного лучше? С делом Эллиота у нас появится не только куча денег. Это все равно что повесить на площади рекламный щит с огромной надписью: «Я ВЕРНУЛСЯ!»

– Да, замечательно. Не говоря о том, что тебя ждет такая нагрузка...

Она не договорила, но я понимал, что она имеет в виду.

– Лорна, все в прошлом. Я готов. Честно говоря, думал, ты обрадуешься. У нас впервые за год появились деньги.

– На это мне плевать. Я хочу знать, что у тебя все в порядке.

– Не просто в порядке, а гораздо лучше. Я взволнован. У меня такое чувство, словно ко мне вернулась молодость. Не надо меня останавливать, ладно?

Она смотрела на меня, а я на нее. Наконец ее хмурое лицо смягчилось.

– Ну ладно, – улыбнулась Лорна. – Тогда за дело.

– Не волнуйся. Я справлюсь.

Глава 8

Я успокоил Лорну, но мысли о новой работе вертелись у меня в голове, пока я шел по коридору к галерее, соединявшей офисное здание с гаражом. Я забыл, что оставил машину на пятом уровне, и долго слонялся по этажам, пока не обнаружил свой «линкольн». Открыв багажник, я вынул сумку и положил туда папки.

Эту сумку я подыскал себе в магазине «Город чемоданов», когда планировал возвращение в бизнес. В лучшие дни я мог носить ее на спине в виде рюкзака с большими лямками. С помощью удобной ручки она легко превращалась в портфель. Кроме того, у нее имелись два колесика и выдвижная ручка, чтобы в худшие дни катить ее по земле.

В последнее время хороших дней случалось больше, чем плохих, и я вполне мог обзавестись обычным адвокатским кейсом. Но сумка мне нравилась, и я предпочитал ходить с ней. Сбоку красовался логотип – горная гряда с надписью «Город чемоданов», что-то вроде знака Голливуда. Выше над горизонтом простиралось голубое небо – символ желаний и надежд. Именно из-за логотипа я ее и купил. Решил, что «Город чемоданов» не фирма, а место. Сам Лос-Анджелес.

В Лос-Анджелес все приезжают, и никто не остается насовсем. Это как пересадочная станция. Одни гонятся за своей мечтой, другие убегают от кошмаров. Двенадцать миллионов человек – и все в любой момент готовы сорваться с места. В буквальном, переносном и каком угодно смысле каждый житель Лос-Анджелеса сидит на чемоданах. Так, на всякий случай.

Я закрыл багажник и вздрогнул, увидев, что между мной и ближней машиной стоит человек. До сих пор крышка багажника скрывала его из виду. Мужчина не был мне знаком, но испуг быстро подсказал ответ. Вспомнив, как Босх предупреждал меня насчет убийцы Винсента, я едва не бросился бежать.

– Мистер Холлер, можно с вами поговорить?

– Черт возьми! Кто вы такой и зачем ко мне подкрадываетесь?

– Я не подкрадывался. Просто увидел вас и решил срезать путь через стоянку. Я работаю на «Таймс» и хочу поговорить о Джерри Винсенте.

Я перевел дух и покачал головой.

– Вы напугали меня. Его убили в этом гараже, когда он сел в автомобиль, вам это известно?

– О, простите. Я всего лишь...

– Ладно, не важно. Я ничего не знаю, и мне надо ехать в суд.

– Но теперь вы ведете его дела, разве нет?

Я жестом попросил его отойти и взялся за ручку дверцы.

– Кто вам сказал?

– Наш судебный репортер. Он раздобыл копию ордера, который выписала судья Холдер. Почему мистер Винсент выбрал именно вас? Вы были друзьями?

Я открыл дверцу.

– Как вас зовут?

– Джек Макэвой. Я веду полицейские хроники.

– Прекрасно, Джек. Но сейчас я не могу с вами беседовать. Дайте мне свою карточку, и я вам перезвоню.

Макэвой не только не достал визитку, но вообще проигнорировал мои слова. Он просто задал следующий вопрос:

– Судья взяла с вас подписку о неразглашении информации?

– Нет. Я ничего не знаю. Понятно?

– Но вы можете ответить, почему взяли дела Винсента?

– Ответ вам известен. Меня назначила судья Холдер. Все, мне пора в суд.

Я сел в салон и вставил ключ, оставив дверцу открытой. Макэвой облокотился на крышу и нагнулся, все еще надеясь меня разговорить.

– Послушайте, – вздохнул я, – может, вы все-таки отойдете и позволите мне закрыть дверцу?

– Давайте заключим сделку, – предложил репортер.

– Сделку? О чем вы?

– Об информации. У меня есть связи в полиции, а у вас – в суде. Устроим взаимовыгодный обмен. Я буду сообщать свои новости, вы – свои. Похоже, дело обещает быть громким. Мне нужны все сведения, какие можно раздобыть.

Я поднял голову и спросил:

– Разве ваши новости не появятся на следующий день в газете? Я просто подожду и куплю «Таймс».

– Появятся, но не все. Есть материалы, которые нельзя публиковать, даже если уверен, что это правда.

Он сказал это с таким видом, словно изрек мудрость.

– Боюсь, вы будете узнавать новости раньше меня, – заметил я.

– Ничего, я рискну. Договорились?

– У вас есть карточка?

Он достал визитку и протянул мне. Зажав ее между пальцами, я взялся за руль и взглянул на карточку. Почему бы и нет? Знающий человек мне не помешает.

– Ладно, договорились.

Я попросил его отойти, захлопнул дверцу и завел машину. Макэвой стоял рядом. Я опустил стекло.

– Что? – произнес я.

– Хочу напомнить: вы не должны появляться на страницах других газет или в телепередачах с любой информацией, которая неизвестна мне.

– Не волнуйтесь. Я знаю, как это работает.

– Отлично.

Я переключился на заднюю скорость, но потом кое-что вспомнил и нажал на тормоз.

– Один вопрос. Насколько близко вы знакомы с Босхом, детективом, ведущим расследование?

– Я его знаю, но не близко. У него нет близких знакомых. Включая напарника.

– Что за история с ним случилась?

– Никогда не спрашивал.

– Ну а вообще он хорош?

– В расследовании преступлений? Очень. Один из лучших.

Я кивнул. Фанат своего дела.

– Берегите ноги.

Я дал задний ход и сделал разворот. Макэвой крикнул:

– Классные номера, Холлер!

Спускаясь вниз, я помахал ему рукой. Я пытался вспомнить, на каком «линкольне» еду и какой у него номерной знак. У меня был парк из трех лимузинов – я собрал его, когда вел крупные дела. Но в последнее время автомобили использовались очень редко, поэтому я ездил на них поочередно, чтобы не дать застояться двигателям и прочистить выхлопные трубы. Это входило в мою стратегию возвращения. Не считая номерных знаков, автомобили были точными копиями, и я не помнил, какой из них взял на сей раз.

Подъехав к будке дежурного и предъявив квитанцию, я увидел в окошке маленький монитор. Он передавал изображение с той самой камеры, о которой говорил Сиско. Она висела где-

то позади моей машины и была расположена так, чтобы показывать задний бампер и номера автомобилей.

Там я увидел свой номерной знак и поморщился.

В суде меня ждал один из клиентов Винсента. Я должен был с ним встретиться и «ответить» напрямик в тюрьму.

Глава 9

Когда я вошел в зал, судья Джудит Шампейн уже сидела в своем кресле и разбирала ходатайства. Внизу терпеливо ждали очереди восемь юристов. Прислонив свою чудо-сумку к перилам, я шепнул судебному приставу, что прибыл по делу Эдгара Риза вместо Джерри Винсента. Тот ответил, что судья буквально завалена ходатайствами, но приговор Риза будет объявлен первым. Я спросил, нельзя ли увидеть Риза; пристав встал и проводил меня к расположенной рядом с кафедрой стальной двери, за которой находилась камера. В ней сидели трое.

– Эдгар Риз! – позвал я.

К решетке подошел невысокий, крепко сбитый мужчина с белой кожей. Увидев на его шее тюремные татуировки, я облегченно вздохнул. Риз уже не раз бывал в тюрьме. Мне не придется держать за руку перепуганного новичка. А это облегчает дело.

– Меня зовут Майкл Холлер. Сегодня я замещаю вашего адвоката.

Объяснять парню, что случилось с Винсентом, не имело смысла. Риз забросал бы меня вопросами, на которые я все равно не смог бы ответить.

– Где Джерри? – спросил Риз.

– Не сумел прийти. Вы готовы выслушать приговор?

– А что, у меня есть выбор?

– Джерри сказал вам, чего можно ожидать?

– Да. Пять лет в тюрьме штата, за примерное поведение выпускают через три.

Скорее уж через четыре, подумал я, но спорить не стал.

– Хорошо, сейчас судья закончит с кое-какими делами, и вас проведут в зал. Обвинитель прочтет кучу всяких бумаг, затем спросит, все ли понятно, вы кивнете, и судья объявит приговор. На это уйдет не более пятнадцати минут.

– Мне плевать, сколько на это уйдет. Я не тороплюсь.

Я молча кивнул и оставил его в камере. На выходе я негромко постучал в металлическую дверь, чтобы меня услышал судебный пристав – в округе Лос-Анджелес они являются заместителями шерифа, – но не услышала судья. Пристав выпустил меня, и я сел в первом ряду на галерее. Открыв сумку, достал захваченные с собой бумаги и положил их рядом на скамью.

Сверху лежало досье на Эдгара Риза. Я успел бегло пролистать его, готовясь к встрече. Риз прибегал к услугам Винсента. Обычное дело – сбыт наркотиков. Риз продавал собственный товар, и его подставил один из покупателей, работавший тайным осведомителем. Согласно документам, полиция решила завербовать клиента, выяснив, что у него есть зуб на продавца. Однажды он купил у Риза кокаин и обнаружил, что в нем слишком много детского слабительного. Типичная ошибка торговцев, которые сами потребляют свой продукт: они сильно разбавляют порошок, чтобы оставить больше дури для себя, и резко снижают качество товара. Плохой способ вести бизнес, поскольку он быстро создает врагов. Наркоман, подрабатывающий стукачом в полиции, всегда первым сдаст того дилера, против которого что-нибудь имеет. Так Эдгар Риз получил урок, над ним ему предстояло размышлять за решеткой в ближайшие пять лет.

Я убрал досье в сумку и взял следующее. Патрик Хенсон, подсевший на анальгетики спортсмен. Я собирался отказаться от его дела и уже сообщил об этом Лорне. Нагнувшись к сумке, стал засовывать в нее досье, но затем снова откинулся на спинку стула и задумался, похлопывая папкой по коленям.

Хенсон был двадцатичетырехлетним серфингистом из Малибу, родом из Флориды. Раньше он профессионально занимался спортом, но без особого успеха, выигрывая какие-то мелкие соревнования и снимаясь в рекламе. Выступая на Гавайях, на острове Мауи, он упал с доски, и волна протащила его по донной лаве. Травма плеча потребовала операции и курса

оксикодона, прописанного доктором от боли. Через восемнадцать месяцев Хенсон уже крепко сидел на колесах и пачками глотал таблетки, чтобы успокоить боль. Он потерял спонсоров и больше не мог выступать на соревнованиях. Закончилось тем, что Хенсон украл бриллиантовое кольцо в одном доме в Малибу, куда его пригласила подруга. В отчете шерифа говорилось, что кольцо принадлежало матери подруги Хенсона и включало в себя восемь бриллиантов – по числу ее детей и внуков. Указанная в отчете стоимость составляла двадцать пять тысяч долларов, но Хенсон продал его за четыреста и уехал в Мексику, чтобы купить из-под прилавка двести таблеток оксикодона.

Доказать вину Хенсона было нетрудно. Он сдал кольцо в ломбард, где его сняла камера охраны. Колье стоило очень дорого, и серфингиста нагрузили по полной программе, обвинив в хищении имущества и краже в особо крупных размерах и добавив незаконное хранение наркотиков. В довершение всего дама, у которой Хенсон его украл, оказалась женой известного доктора со связями в верхах, участника и спонсора избирательных кампаний нескольких членов окружного совета.

Обратившись к Винсенту, Хенсон внес предварительный аванс пять тысяч долларов. В счет платы Винсент забрал все его двенадцать эксклюзивных досок и продал через своих представителей коллекционерам на интернет-аукционе. Кроме того, Хенсон обязался выплачивать тысячу долларов каждый месяц, но успел сделать только первый платеж. После того как его выпустили под залог, заплаченный матерью (она все еще жила в Мельбурне, штат Флорида), спортсмен отправился в центр реабилитации для наркоманов.

В отчете сообщалось, что Хенсон успешно прошел реабилитацию и теперь работал на неполной ставке в детском спортивном лагере в Санта-Монике. Зарплаты ему едва хватало на жизнь, про ежемесячную тысячу для Винсента не было и речи. Его мать тоже сидела на мели после выплаты залога и немалых средств, потраченных на реабилитационный центр.

Папка ломилась от бесконечных заявлений, ходатайств и прочих юридических штучек, с помощью которых Винсент тянул время, дожидаясь, когда Хенсон разживется наличными. Обычная тактика юристов. Деньги прежде всего, даже если само дело кажется сомнительным. Обвинение могло предъявить запись, на которой Хенсон продавал краденый товар. Значит, дело было не просто сомнительным. Оно было безнадежным.

Среди прочей информации я нашел номер телефона Хенсона. Для каждого адвоката, занимающегося клиентами «на воле», очень важно наладить с ними постоянный контакт. Людей, находящихся под следствием и ожидающих решения суда, после которого они могут оказаться за решеткой, часто трудно разыскать. Они много перемещаются, иногда у них вообще нет дома. Но адвокат должен иметь возможность связаться с ними в любой момент. В досье был указан номер мобильного телефона Хенсона, и при желании я мог позвонить ему прямо сейчас. Но хотел ли я ему звонить?

Я посмотрел в зал. Судья все еще была занята жаркой дискуссией по поводу прошения о поручительстве. Три адвоката ждали своей очереди, представитель обвинения по делу Риза, похоже, так и не объявился. Я встал и снова обратился к судебному приставу:

– Мне нужно выйти в коридор и позвонить. Я буду рядом.

Он кивнул.

– Если не придете вовремя, я вас позову, – предупредил он. – Но перед возвращением не забудьте выключить телефон. Судья терпеть не может мобильники.

Совет был лишним. Я и так хорошо знал, что судья не любит мобильные телефоны. Этот урок я усвоил в тот день, когда впервые появился в ее судебном зале и мой мобильник заиграл увертюру из «Вильгельма Телля» (рингтон поставила моя дочка). Судья вкатила мне столбовой штраф и впредь называла меня не иначе как Одиноким Рейнджером⁶. Против этого

---

⁶ Имеется в виду герой одноименного вестерна.

я, кстати, ничего не имел. Иногда я действительно чувствовал себя Одиноким Рейнджером. Разве что ездил не на белой лошади, а в черном лимузине.

Оставив документы в галерее и прихватив папку с делом Хенсона, я вышел в коридор. Там я отыскал сравнительно тихое местечко и набрал номер. Мужской голос ответил после второго гудка:

- Трик слушает.
- Патрик Хенсон?
- Да, а это кто?
- Я ваш новый адвокат. Меня зовут Май...
- Эй, постойте. А где мой прежний адвокат? Я уже вбухал в Винсента кучу...
- Он умер, Патрик. Скончался прошлой ночью.
- О нет!
- Да, Патрик. Мне очень жаль.

Я подождал, не пожелает ли он еще что-нибудь сказать, но Патрик молчал, и я продолжил бесстрастным тоном бюрократа:

– Меня зовут Майкл Холлер, я веду дела Джерри Винсента. Просмотрев ваши бумаги, я заметил, что вы не сделали ни одного ежемесячного платежа, предусмотренного вашим соглашением с мистером Винсентом.

– Черт, да в том-то и дело! Я из кожи вон лезу, чтобы наладить нормальную жизнь, а в результате у меня нет ни цента. Понимаете? Я отдал этому парню, Винсенту, мои доски для серфинга. Он оценил их всего в пять штук, хотя они стоят гораздо дороже. За любую из тех длинных досок ему бы дали не менее тысячи. Он сказал, что для начала денег хватит, а сам ни черта не делал, лишь время тянул. А пока все это не закончилось, я по уши в дерьме.

– Вы по-прежнему в порядке? У вас все чисто, Патрик?

– Чище не бывает. Винсент говорил мне, что это мой единственный шанс остаться на свободе.

Я бросил взгляд на коридор. Он был заполнен адвокатами, подзащитными, свидетелями, семьями обвиняемых и пострадавших. Коридор был длиной с футбольное поле, и все, кто в нем находился, жаждали только одного – успеха. Чтобы тучи над их головой рассеялись и хоть что-то в этом мире произошло так, как им хотелось.

– Джерри был прав, Патрик. Надо оставаться чистым.

– Я так и делаю.

– У вас есть работа?

– Проклятье! Вы что, не понимаете? Кто возьмет на работу такого парня, как я? Все от меня шарахаются. Меня ждет суд, после которого я могу сесть за решетку. Мне платят жалкие гроши за то, что я по три часа в день учу детишек серфингу. Живу в своей чертовой машине, а ночью в будке охранника на пляже Эрмоса. Знаете, где я находился в это время два года назад? На Мауи, в роскошном номере отеля «Фор сизонс».

– Да, жизнь дерьмо. А водительские права у вас есть?

– Это чуть ли не единственное, что у меня осталось.

Я принял решение.

– Ладно, вы знаете, где находится офис Джерри Винсента? Бывали там когда-нибудь?

– Да, привозил туда доски. И рыбу.

– Рыбу?

– Винсент забрал шестидесятифунтового тарпона, которого я поймал мальчишкой во Флориде. Сказал, что повесит его на стену и станет всем говорить, будто это его трофей.

– А, да, ваша рыба еще на месте. В общем, завтра в девять утра приезжайте в офис, и мы поговорим насчет работы. Если все будет в порядке, начнете в тот же день.

– Начну что?

– Водить меня на машине. Я буду платить пятнадцать долларов в час за вождение и еще по пятнадцать в счет вашего долга. Согласны?

Возникла пауза, потом Хенсон ответил:

– Хорошо. Я буду на месте.

– Отлично. Значит, увидимся. И вот еще что, Патрик. Запомни одну вещь – оставайся чистым. Если что не так, я сразу узнаю. Поверь.

– Не волнуйся, парень. Я никогда не вернусь в это дерьмо. У меня и так вся жизнь перевернулась вверх тормашками.

– Прекрасно, Патрик. Увидимся завтра.

– Послушай, дружище, а зачем ты это делаешь?

Я помолчал.

– Честно говоря, не знаю.

Удостоверившись, что телефон отключен, я вернулся в зал. По дороге я размышлял о том, чем на самом деле являлся мой поступок – добрым делом или ошибкой, за которую потом придется расплачиваться.

Я пришел вовремя. Судья только что закончила с последним ходатайством. За столиком обвинения сидел заместитель окружного прокурора Дон Пирс, прибывший на вынесение приговора. В молодости он служил во флоте и с тех пор носил стрижку ежик, щеголяя ею на коктейлях в «Зеленых полянках». Я быстро убрал папки в сумку и подкатил ее к столику защиты.

– Так-так, – улыбнулась судья, – Одинокый Рейнджер снова на коне.

Я ответил ей улыбкой:

– Да, ваша честь. Рад вас видеть.

– Давненько вас не было, мистер Холлер.

Зал суда не самое подходящее место для объяснений. Я ограничился тем, что развел руками. Прошу, мол, любить и жаловать.

– Что я могу сказать? Я вернулся, ваша честь.

– Вот и замечательно. Насколько я понимаю, вы замещаете мистера Винсента?

Ее голос звучал спокойно. Очевидно, судья не знала о смерти Винсента. Я понимал, что лучше всего держать язык за зубами и молча перейти к делам. Но рано или поздно она услышит о гибели Винсента и вспомнит про мое молчание. А это не лучший способ расположить к себе судью.

– К сожалению, – ответил я, – мистер Винсент скончался прошлой ночью, ваша честь.

Брови судьи поползли вверх. До судейской должности она долго работала в прокуратуре. У нее там оставалось много знакомых, в том числе и Винсент. Я увидел, что мое известие потрясло судью.

– Господи, он был так молод! – воскликнула она. – Что случилось?

Я покачал головой, прикинувшись, что ничего не знаю.

– Очевидно, это была насильственная смерть, ваша честь. Полиция начала расследование, и пока я мало что могу сообщить, кроме того, что Винсента убили прошлой ночью в гараже, в собственной машине. Сегодня утром мне позвонила судья Холдер и назначила замещающим адвокатом. Поэтому я приехал как представитель мистера Риза.

Судья опустила голову и выдержала паузу, пытаясь справиться с эмоциями. Мне никогда не нравилась роль злого вестника. Я нагнулся и вытащил из сумки папку Эдгара Риза.

– Мне очень жаль, – пробормотала судья.

Я понимающе кивнул и замер в ожидании.

– Ну хорошо, – произнесла она после долгого молчания. – Давайте пригласим подсудимого.

Это все, на что мог рассчитывать Джерри Винсент. Если у судьи и были какие-то сомнения насчет Джерри и его смерти, она не стала о них распространяться. Жизнь в суде шла своим чередом. Колесики системы продолжали крутиться без него.

Глава 10

Лорна Тейлор написала мне кратко и по делу. Ее сообщение поступило, как только я включил телефон и вышел из зала, где Эдгар Риз получил пять лет. Она побеседовала с секретаршей судьи Холдер насчет ордера, который требовался банку, чтобы перевести счета Винсента на меня и Лорну. Судья согласилась выписать ордер. Все, что мне оставалось, это пройти по коридору и заглянуть к ней в кабинет.

В зале опять было темно, но секретарша сидела на своем обычном месте рядом с креслом судьи. Я вспомнил свою учительницу в младших классах.

- Миссис Джилл? – произнес я. – Я должен забрать ордер у судьи Холдер.
- Думаю, она еще у себя. Сейчас проверю.
- Можно мне самому пройти к ней и поговорить несколько минут?
- Кажется, у нее кто-то есть, но я посмотрю.

Секретарша встала и вышла в коридорчик позади ее столика. Там в конце находилась дверь, и я увидел, как секретарша постучала, прежде чем войти. Когда дверь приоткрылась, я успел разглядеть мужчину, занимавшего тот же стул, на котором утром сидел я. Митч Лестер, муж судьи Холдер, адвокат по делам о телесных повреждениях. Я узнал его по фотографиям в рекламе. В свое время он выступал защитником в уголовных процессах, и мы оба оказались на задней обложке в «Желтых страницах»: его рекламу поместили чуть ниже моей. Но он уже много лет не занимался уголовными делами.

Через пару минут миссис Джилл вернулась с моим ордером. Я решил, что мне не удастся повидать судью, но секретарша сообщила, что я смогу зайти к ней, как только она закончит беседу с посетителем.

У меня было мало времени, чтобы продолжить знакомство с делами Винсента, и я стал прохаживаться по залу, поглядывая по сторонам и раздумывая над тем, что скажу судье. У стола судебного пристава я остановился и заглянул в расписание, составленное на прошлую неделю. Среди прочих адвокатов мелькнула фамилия Джерри, записанного на слушания по делу Уолтера Эллиота. Видимо, это было его последнее появление в суде.

Минуты через три на столике миссис Джилл прозвенел звонок, и мне сообщили, что я могу зайти к судье.

Я постучал, и дверь открыл Митч Лестер. Он с улыбкой посторонился, давая мне пройти. Мы обменялись рукопожатием, и он сказал, что только теперь услышал о Джерри Винсенте.

– Жуткие дела творятся в этом мире, – покачал головой Лестер.

– Верно, – согласился я.

– Если понадобится моя помощь, дайте мне знать.

Он вышел из кабинета, и я занял его стул.

– Чем могу помочь, мистер Холлер? Вы получили ордер для банка?

– Да, ваша честь, спасибо. Я хотел сообщить вам кое-какие новости и кое о чем спросить.

Она сняла очки и положила перед собой на стол.

– Слушаю вас.

– Сначала новости. Дела идут медленно, потому что вначале у нас не было рабочего календаря. Он пропал после смерти Джерри Винсента, так же как его ноутбук. Нам пришлось составлять новый календарь по материалам текущих дел. Но в конце концов мы взяли ситуацию под контроль, и сейчас я как раз иду от судьи Шампейн после вынесения приговора по одному из дел. Так что, по сути дела, мы ничего не пропустили.

Похоже, наши подвиги не произвели на судью впечатления.

– Сколько у вас теперь текущих дел? – спросила она.

– Мм... насколько я понял, тридцать одно... точнее, тридцать, поскольку по одному приговор уже вынесен. Дело закрыто.

– Вы унаследовали очень солидную практику. Так в чем проблема?

– Я не говорил, что есть проблема, ваша честь. Пока я пообщался лишь с одним клиентом, и он не возражает, чтобы я оставался его адвокатом.

– Вы про Уолтера Эллиота?

– Нет, с ним я еще не беседовал. Думаю сделать это сегодня вечером. Человек, с которым я говорил, замешан в менее серьезном деле – в ограблении.

– Понятно.

В ее голосе прозвучало нетерпение, и я поспешил продолжить:

– Я хотел спросить насчет полиции. Сегодня утром вы совершенно справедливо посоветовали мне защищать клиентов от полицейского вмешательства. Буквально через час, приехав в офис Винсента, я обнаружил двух детективов, рывшихся в его бумаги. Секретарша была на месте, но не пыталась остановить их.

Лицо судьи стало жестким.

– Надеюсь, вы исправили ее ошибку. Полиция не имела права просматривать досье.

– Да, ваша честь, я заставил их уйти. Пригрозил, что позвоню вам. Только после этого они убрались.

Судья кивнула, видимо польщенная тем, что ее имя имеет такую власть.

– Тогда почему вы здесь?

– Просто у меня возник вопрос, должен ли я пустить их обратно.

– Я вас не понимаю, мистер Холлер. Вы хотите пустить их обратно?

– Детектив, ведущий расследование, привел вполне разумные доводы. Все указывает на то, что Джерри Винсент знал своего убийцу и даже позволил ему подойти и выстрелить с близкого расстояния. Детектив считает, что преступником может быть один из его клиентов. Поэтому они хотели просмотреть все дела, чтобы найти вероятного убийцу.

Судья решительным жестом отвергла этот довод.

– Ясно, чего они хотели. Но тем самым они нарушили права клиентов.

– Детективы сидели в архиве и смотрели старые дела. Уже закрытые.

– Не важно, закрытые или открытые, – это нарушение конфиденциальных отношений адвоката и клиента.

– Согласен, ваша честь. Но когда они ушли, на столе осталось несколько папок, которые детективы, судя по всему, собирались взять собой и просмотреть более внимательно. Я заглянул в них и обнаружил там угрозы.

– Угрозы мистеру Винсенту?

– Да. Речь идет о тех случаях, когда клиенты были недовольны результатами защиты – например, вынесенным приговором или условиями заключения. Винсенту угрожали, и, очевидно, он относился к этому достаточно серьезно, если решил подробно записать, что и кем было сказано. Детективы собрали папки и отложили в сторону.

Судья откинулась назад и сцепила пальцы, поставив локти на подлокотники кожаного кресла. Она мысленно взвесила все, что я сказал, и посмотрела на меня.

– Вы боитесь, что запрет на просмотр досье помешает расследованию преступления?

Я кивнул.

– Возможно, есть какой-то способ удовлетворить обе стороны, – произнес я. – Свести к минимуму ущерб для клиентов и в то же время позволить полиции выполнять свою работу.

Судья обдумала мои слова и вздохнула.

– Жаль, что мой муж ушел, – пробормотала она. – Я очень доверяю его мнению.

– Вообще-то, у меня есть идея.

– О, я в этом не сомневалась. Какая?

– Я решил, что могу сам просмотреть бумаги и составить список людей, угрожавших Джерри. А потом передать список детективу Босху и сообщить кое-какие детали насчет угроз. Так он сможет получить то, что ему нужно, не заглядывая в досье.

– Дело ведет Босх?

– Да, Гарри Босх. И с ним еще детектив из отдела по расследованию убийств. Не помню его фамилии.

– Мистер Холлер, даже передав полиции только список фамилий, вы уже нарушите юридическую тайну. Вас могут исключить из адвокатской коллегии.

– Я об этом думал, ваша честь, и, как мне кажется, нашел выход. Одним из условий нарушения юридической тайны является угроза безопасности. Если бы Джерри знал, что его собираются убить, он мог бы сообщить полиции фамилию своего клиента, и это не считалось бы нарушением конфиденциальности.

– Да, но тут иная ситуация.

– Детектив прямо заявил, что имя убийцы Джерри Винсента, вероятно, находится в его архиве. Теперь бумаги перешли ко мне. Значит, содержащаяся в них информация представляет угрозу и для меня. Когда я начну вести дела и встречаться с клиентами, то вполне могу оказаться с глазу на глаз с преступником. Как ни крути, а у меня такое чувство, что мне тоже угрожает опасность, и это достаточно веское основание для нарушения прав на конфиденциальность.

Судья кивнула и надела очки. Она потянулась за стаканом с водой, который стоял за компьютером. Сделав несколько глотков, она произнесла:

– Хорошо, мистер Холлер. Полагаю, вы поступите правильно, если просмотрите досье и сделаете все, что вы сказали. Подайте ходатайство с объяснением своих поступков и мотивов, связанных с грозящей вам опасностью. Я подпишу его и скреплю печатью, хотя надеюсь, что оно вам не понадобится.

– Спасибо, ваша честь.

– Что-нибудь еще?

– Кажется, все.

– В таком случае желаю приятного дня.

– Спасибо, ваша честь.

Я встал и направился к двери, но затем кое-что вспомнил и остановился.

– Забыл спросить одну вещь. В вашем расписании на прошлую неделю значился Джерри Винсент. Он приходил по делу Эллиота. Я пока плохо знаком с материалами процесса, но не могли бы вы сказать, с чем был связан визит?

Она задумалась, стараясь вспомнить.

– Это были внеочередные слушания. Мистер Винсент пришел из-за того, что судья Стэнтон отменил выплату залога и распорядился взять мистера Эллиота под стражу. Я оставила его на свободе.

– Почему отменили залог?

– Мистер Эллиот без разрешения отправился на кинофестиваль в Нью-Йорк. Мистер Голанц, представитель обвинения, увидел в журнале «Пипл» снимок Эллиота, приехавшего на фестиваль, и потребовал, чтобы судья Стэнтон отменил освобождение под поручительство. Он с самого начала возражал против выплаты залога. Судья Стэнтон аннулировал поручительство, и мистер Винсент пришел ко мне с ходатайством об освобождении своего клиента из-под ареста. Я решила дать мистеру Эллиоту второй шанс и выпустила его на свободу с условием, что он станет носить электронный браслет. Но третьего шанса мистер Эллиот не получит. Имейте это в виду, когда будете разговаривать с ним как со своим клиентом.

– Я понял, ваша честь. Спасибо.

Выйдя из кабинета судьи, я вернулся в зал и направился к выходу, поблагодарив миссис Джилл.

Карточка Гарри Босха лежала у меня в пиджаке. В лифте я достал ее из кармана. Машину оставил на платной стоянке возле гранд-отеля «Киото», и до нее было три квартала пешком мимо Паркер-центра. На улице я набрал номер Босха.

– Босх слушает.

– Это Микки Холлер.

Повисла пауза. Наверное, он не мог вспомнить, кто я такой.

– Чем могу помочь? – спросил наконец Босх.

– Как продвигается следствие?

– Следствие идет, но пока я не могу об этом говорить.

– Собственно, поэтому я и звоню. Вы сейчас в Паркер-центре?

– Да, а что?

– Я буду проходить мимо вас. Давайте встретимся возле мемориала.

– Послушайте, Холлер, я занят. Просто скажите мне, в чем дело.

– Это не телефонный разговор. Обещаю, дело того стоит. Если вас не окажется на месте, я решу, что вы отказались от моего предложения, и больше не стану вас беспокоить.

Я отключил связь прежде, чем Босх успел ответить. Через пять минут я был у Паркер-центра. Это место доживало свои последние деньки, неподалеку на Спринг-стрит уже возводили новые корпуса. Я увидел Босха: он стоял у фонтана возле мемориала, возведенного в честь погибших полицейских. К костюму от его ушей тянулись белые провода. Я воздержался от рукопожатия и прочих приветствий. Босх вытащил наушники и сунул в карман.

– Прячетесь от мира, детектив?

– Помогает сосредоточиться. В чем дело?

– Сегодня утром, когда вы ушли из офиса, я просмотрел оставленные вами папки. Там, в архиве.

– И?..

– Кажется, я понял, что вы искали. Я хочу вам помочь, но вы должны уяснить мою позицию.

– Я вас понимаю. Вы обязаны защищать свои бумаги, а заодно и скрытого в них убийцу, потому что таковы правила.

Я покачал головой. Он явно не пытался облегчить мне задачу.

– Детектив, приходите завтра в восемь утра в офис, и я дам все, что смогу.

Похоже, мое предложение удивило его. Он промолчал.

– Так придете?

– А в чем подвох? – поинтересовался Босх.

– Никаких подвохов. Главное, не опаздывайте. В девять у меня встреча, а потом я поеду к клиентам.

– Я буду в восемь.

– Хорошо.

Я уже хотел уйти, но детектив, кажется, собирался сказать что-то еще.

– У Винсента были дела федерального значения?

Я задумался, перебирая в уме просмотренные документы, и покачал головой.

– Мы продолжаем разбирать бумаги, но сомневаюсь. Как и я, он предпочитал суды штата. Они немного смахивают на лотерею. Больше свободы, неразберихи, лазеек. А федералы любят держать все под контролем. Им не нравится проигрывать.

Я боялся, что Босх примет мои слова на свой счет, но он пропустил их мимо ушей. Он размышлял о чем-то ином.

– Хорошо, – пробормотал детектив.

– Только это вы хотели спросить?

– Да.

Я ждал объяснений, но их не последовало.

– Ладно, детектив.

Я неловко протянул руку. Он пожал ее, тоже довольно неуклюже. У меня в голове вертелся вопрос.

– Я тоже собирался кое о чем вас спросить.

– О чем?

– В вашей визитке не написано, но я слышал, что вас зовут Иероним. Правда?

– А в чем дело?

– Интересно, откуда могло взяться подобное имя?

– Так меня назвала мать.

– А что думал об этом отец?

– Не знаю. Мне пора идти, мистер Холлер. Есть еще вопросы?

– Нет. Просто любопытство. Жду завтра в восемь.

– До встречи.

Я оставил его у мемориала и двинулся по улице. Шагая вдоль квартала, я прикидывал, зачем он спрашивал о федеральных делах Винсента. На углу я обернулся и увидел, что Босх стоит возле фонтана. Он смотрел мне вслед. Я отвел взгляд и пошел дальше.

Глава 11

Сиско и Лорна еще работали в офисе Джерри Винсента. Я передал Лорне судебный ордер для банка и рассказал о двух назначенных на утро встречах.

– Ты вроде решил отказаться от Патрика Хенсона, – удивилась она.

– Верно. Но теперь передумал.

Лорна сдвинула брови – ее обычная реакция на непредсказуемость моих поступков, которые часто ставили ее в тупик. Но мне не хотелось ничего объяснять. Я спросил, не появились ли новости в мое отсутствие.

– Было кое-что. Деньги Эллиота переведены на счет. Даже если он узнал про Джерри, теперь поздно давать обратный ход.

– Ясно.

– Вторая новость еще лучше. Я нашла папку с контрактами и прочитала о сделке Джерри с Эллиотом. Те сто тысяч, которые он перевел в пятницу, лишь первый взнос.

– А сколько всего?

– Согласно договору, Винсент получил двести пятьдесят тысяч. Это произошло пять месяцев назад, и все деньги, видимо, были потрачены. Но он собирался получить еще двести пятьдесят на ведение процесса. Это безвозвратный платеж. Сто тысяч – первая часть. Остальные должны поступить после начала судебного разбирательства.

Я одобрительно кивнул. Винсент заключил отличную сделку. У меня никогда не было контрактов на подобную сумму. Меня смущало, как он ухитрился так быстро спустить двести пятьдесят тысяч. Лорне придется как следует поработать с финансовыми документами, чтобы выяснить данный вопрос.

– Что ж, замечательно, если мы удержим Эллиота. А если нет, радоваться нечему. Что-нибудь еще?

Лорна была разочарована. Ей хотелось, чтобы я пришел в восторг и осыпал ее благодарностями за открытие, но она упустила из виду, что мне еще только предстояло заполучить Эллиота. В техническом смысле он был свободен. Мне дали право «первого выстрела», но если я не сумею его удержать, то никогда не узнаю, каково это – потратить на процесс двести пятьдесят тысяч долларов.

– Пока ты ездил в суд, у нас было несколько посетителей, – хмуро произнесла Лорна.

– Каких?

– Приезжал один из детективов, работавших на Джерри. Увидев Сиско, он чуть на него не накинулся. Но вскоре остыл и убрался восвояси.

– Кто он?

– Брюс Карлин. Джерри нанял его для дела Эллиота.

Я кивнул. Карлин был «быком» из бывших полицейских, после отставки переметнулся на противоположную сторону и теперь работал на защиту. Адвокаты часто пользовались его услугами, потому что он знал все секреты полицейской кухни. Однажды я тоже обратился к нему за помощью и пришел к выводу, что Карлин делает деньги на дутой репутации. Больше мы с ним не пересекались.

– Позвони ему, – попросил я. – Пусть придет снова.

– Зачем, Микки? У тебя есть Сиско.

– Я знаю, что у меня есть Сиско, но Карлин работал по делу Эллиота, а я сомневаюсь, что в бумагах отражены все его детали. Ты же знаешь, как это происходит. То, что не записано, никто не сможет раскопать. Позови его. Пусть Сиско с ним поговорит и выяснит, что к чему. Заплатите ему сколько попросит, а потом вышвырните к черту. Что еще? Кто сюда приходил?

– Тут был парад неудачников. Заглянула Кэрни Эндрюс, вообразившая, что может просто прийти, забрать дело Эллиота и преспокойно удалиться. Я сразу ее отшила. Затем я просмотрела статьи доходов и расходов в операционном счете и обнаружила, что пять месяцев назад ее наняли в качестве второго адвоката для работы с Эллиотом. Она продержалась всего месяц.

Я кивнул, сообразив, в чем дело. Винсент искал для Эллиота нужного судью. Кэрни Эндрюс считалась занудой и бездарным адвокатом, но была замужем за Брайсом Эндрюсом, членом Верховного суда. До назначения на должность он двадцать пять лет проработал в прокуратуре. По мнению многих адвокатов, он пребывал там и по сей день. Его считали одним из самых суровых судей в городе, действовавшим под опекой – или по прямой указке – офиса окружного прокурора. В результате у супругов образовалось нечто вроде семейного бизнеса: жену часто брали в качестве второго адвоката на те дела, которыми занимался ее муж. Таким образом, создавался конфликт интересов и рассмотрение иска передавали другому, более снисходительному судье.

Все работало как часы, и, главное, Кэрни Эндрюс не приходилось утруждать себя юридической практикой. Она лишь ставила свою подпись под бумагами, иногда появлялась в суде и дожидалась, когда дело исключат из рабочего графика мужа. После чего получала солидный гонорар и переходила к следующему адвокату.

Я понял, что случилось, даже не заглядывая в досье Эллиота. Дело вначале отдали на рассмотрение судье Эндрюсу, и Винсент решил, что у них плохие шансы. Прежде всего Эндрюс никогда бы выпустил под залог человека, подозреваемого в двух убийствах, и наверняка занял бы жесткую позицию по отношению к его адвокату. Чтобы решить эту проблему, Винсент взял в качестве помощника жену судьи. Далее рассмотрение иска передали судье Джеймсу Стэнтону, чья репутация была противоположна той, которую имел Эндрюс. В общем, сколько бы Винсент ни заплатил Кэрни, дело того стоило.

– Ты посмотрела сумму? – спросил я. – Сколько он ей дал?

– Десять процентов от первого аванса.

Я присвистнул. Двадцать пять тысяч долларов ни за что. Теперь понятно, куда делась четверть миллиона.

– Повезло ей с работой, – заметил я.

– Но ей приходится спать с Брайсом Эндрюсом, – возразила Лорна. – Думаю, она в проигрыше.

Сиско засмеялся. Я промолчал, хотя понял шутку Лорны. Брайс Эндрюс был лет на двадцать старше и фунтов на двести тяжелее жены. Не самое привлекательное зрелище.

– С посетителями все?

– Нет, – усмехнулась Лорна. – Приходила парочка клиентов, они решили забрать свои дела, узнав о смерти Джерри.

– И?..

– Мы их отфутболили. Сказали, что только ты можешь распоряжаться документами, и попросили заглянуть завтра. Они вроде хотели что-то возразить, но посмотрели на Сиско и передумали.

Лорна покосилась на детектива; тот встал, расправив широкие плечи, и отвесил насмешливый поклон.

Лорна протянула мне листок:

– Вот их фамилии. Плюс контактная информация.

Я взглянул на список. Первое дело было безнадежным, я не собирался браться за него. Второе – непристойное поведение на публике, – наоборот, выглядело многообещающим. Женщину арестовали, после того как помощник шерифа приказал ей выйти из воды на пляже в Малибу. Она плавала нагишом, но никто этого не видел, пока полицейский не заставил ее выбраться на берег. Разумеется, он сделал это для того, чтобы доказать ее виновность, однако

тем самым создал преступление, за которое арестовал женщину. Суду это вряд ли понравится. Значит, есть шанс добиться оправдания.

– Хорошо, посмотрю их вечером, – произнес я. – А сейчас мне надо проехаться по клиентам. Начну, пожалуй, с «Арчуэй пикчерс». Сиско будет со мной, а ты собирай вещи и отправляйся домой. Не хочу, чтобы ты сидела тут одна.

– Ты возьмешь с собой Сиско?

Меня удивило, что Лорна задала такой вопрос при нем. Она имела в виду его внушительные габариты и зловещий вид: татуировки, серьги, тяжелые бутсы и кожаный жилет. Лорна боялась, что Сиско напугает клиентов и принесет больше вреда, чем пользы.

– Да, мы поедem вместе. В крайнем случае попрошу его посидеть в машине. И потом, кто-то должен сидеть за рулем, пока я читаю документы.

Я взглянул на Сиско. Тот молча кивнул. Конечно, в «линкольне» его байкерский наряд будет смотреться глупо, но жаловаться он не собирался.

– Кстати, о документах, – добавил я. – У нас есть какие-нибудь дела в федеральном суде?

Лорна покачала головой:

– Нет, насколько мне известно.

То же самое я ответил Босху, но меня все больше беспокоило, почему он об этом спрашивал. Я решил, что надо поговорить с ним завтра утром.

– Вот и прекрасно, – подытожил я. – Значит, теперь я снова «лимузинный адвокат». Поехали.

Глава 12

За десять лет «Арчуэй пикчерс» из небольшой конторы превратилась в гиганта киноиндустрии. Произошло это благодаря деньгам – единственному, без чего немислим Голливуд. С годами стоимость картин росла, а когда в моду вошли дорогостоящие блокбастеры, крупные студии бросились искать партнеров, способных разделить их риски и затраты.

Тут-то и появились Уолтер Эллиот и его «Арчуэй пикчерс». Вначале это была лишь маленькая фирма. Она пристроилась на Мелроуз-авеню, в паре кварталов от исполинской «Парамаунт студийос». В первое время играла роль рыбы-прилипалы при прожорливой акуле. Вертелась у нее под носом и хватала мелкие кусочки, не попадавшие в ее гигантскую пасть. Сдавала в аренду дорогую съемочную аппаратуру и «звуковые сцены» небольшим компаниям. Она предлагала офисные площади для бывших и будущих продюсеров, не вписывавшихся в общие стандарты или не способных обзавестись собственными павильонами. Помогала создавать независимое кино, не столь дорогостоящее, но гораздо менее популярное и прибыльное, чем студийные мегахиты.

Десять лет Эллиот и его «Арчуэй пикчерс» тянули эту лямку, пока им вдруг не улыбнулась удача. За три года они дважды попали в «яблочко», спонсировав две независимые картины в обмен на долю в прибыли. Фильмы произвели фурор в Голливуде и стали финансовой и культурной бомбой. Один из них даже получил «Оскар» за лучшую картину. Уолтер и его скромная студия проснулись знаменитыми. На церемонии вручения награды сто миллионов людей услышали, как режиссер лично поблагодарил Эллиота за его участие в проекте. Но разумеется, еще важнее были сто миллионов долларов, которые «Арчуэй пикчерс» заработала на каждом фильме.

Уолтер с умом потратил полученные деньги. Он скормил их акулам киноиндустрии, финансируя картины крупных студий на правах равного партнера, разделявшего их риски. Конечно, случались и убытки: Голливуд есть Голливуд, – но прибыль с лихвой покрывала издержки. За десять лет Уолтер Эллиот удвоил и утроил капитал, став одной из самых влиятельных фигур в «золотой сотне» кинобизнеса. А его «Арчуэй пикчерс» из убогой конторы, болтавшейся на обочине Голливуда, превратилась в лакомое местечко, где арендаторы мечтали снять хотя бы крошечную комнату.

Личное благосостояние Эллиота выросло до огромных размеров. Правда, в Лос-Анджелес он приехал уже довольно богатым человеком, наследником флоридской империи фосфатных удобрений. Но по сравнению с голливудскими доходами это было ничто. Как и многие другие представители элиты, он развелся с женой и женился на красотке-фотомодели, после чего приступил к скупке недвижимости. За домами в районе каньонов последовали апартаменты в Беверли-Хиллз, особняки в Малибу и Санта-Барбаре. Из материалов дела следовало, что Уолтер Эллиот и его новая жена владели семью домами и двумя ранчо недалеко от Лос-Анджелеса. Как часто они там появлялись, никого не интересовало. В Голливуде недвижимость – вопрос престижа.

Богатство и высокий социальный статус Эллиота пришлись как нельзя кстати, когда его обвинили в двойном убийстве. Нажав на все политические и финансовые рычаги, хозяин студии добился редкой в подобных случаях поблажки: его освободили под залог. Несмотря на протесты обвинения, он внес двадцать миллионов долларов и немедленно вышел на свободу. С тех пор спокойно занимался своим бизнесом, и его никто не трогал, если не считать недавней неприятности с отзывом залога.

В числе прочей недвижимости, внесенной в счет залога, Эллиот передал суду свой пляжный дом, где произошло убийство. Это был загородный коттедж, стоявший на берегу уединенной бухты. В судебных документах его стоимость обозначили в шесть миллионов долларов.

Именно там, в огромной спальне площадью сто двадцать квадратных футов, со стеклянной стеной вместо окна и прекрасным видом на бескрайний океан, убили тридцатидевятилетнюю Мици Эллиот и ее любовника.

В материалах следствия я нашел отчеты судмедэкспертизы и цветные снимки с места преступления. В спальне все было абсолютно белым – стены, мебель, простыни, ковер. Два обнаженных тела лежали на полу и на кровати: Мици Эллиот и Йохан Рилц. Этюд в белых и красных тонах. Два пулевых отверстия в груди мужчины. Еще два в груди женщины, одно – в голове. Он у двери спальни. Она на постели. Красное на белом. В общем, зрелище не из приятных. Кровавые раны, развороченная плоть. Орудие убийства не нашли, но баллистическая экспертиза показала, что пули выпустили из «смит-вессона» двадцать девятой модели, также известной как револьвер «магнум» сорок четвертого калибра. Стреляли с близкого расстояния, а это верная смерть.

Уолтер подозревал жену в неверности. Она не скрывала, что собирается развестись с ним, и он считал, что тут замешан другой мужчина. Детективам он объяснил, что приехал в пляжный дом в Малибу, потому что жена сказала ему, будто должна встретиться там с художником по интерьерам. Эллиот заподозрил ее во лжи и явился в назначенное время, чтобы застать с любовником. Он любил жену и хотел вернуть. Решил за нее бороться. В дом Эллиот отправился не для того, чтобы убивать, а желая выяснить отношения. Никакого револьвера у него не было. Он вообще никогда не держал в руках оружие.

В показаниях Эллиота утверждалось, что, приехав в Малибу, он застал жену и ее любовника уже мертвыми. Мужчина действительно оказался художником по интерьерам, это был Йохан Рилц, немец по происхождению, которого Уолтер всегда считал геем.

Эллиот покинул дом и сел в машину. Завел мотор и тронулся с места, но затем передумал. Киномагнат решил, что все должно быть по закону. Он вернулся и вошел в дом. Позвонил в службу 911 и стал ждать полицию.

Хронология и подробности дальнейших событий были очень важны для стратегии защиты. Согласно материалам дела, Эллиот рассказал детективам, как обнаружил трупы. Позднее его отвезли в участок в Малибу, чтобы не мешался под ногами при осмотре места преступления. Эллиот не считался арестованным, а просто сидел в открытой комнате для допросов, дожидаясь, пока детективы закончат работу и вернуться в участок. После этого они включили видеокамеру и приступили к снятию показаний, которое, судя по приложенной стенограмме, довольно быстро перешло в допрос. Только тут Эллиоту зачитали его права и спросили, хочет ли он говорить дальше. Уолтер благоразумно отказался и попросил адвоката. В общем, его положение было бы гораздо лучше, если бы он не произнес ни слова. Надо было просто сидеть и молчать.

Пока детективы исследовали место преступления, а Эллиот томился в полицейском участке, сотрудники из отдела по расследованию убийств, расположенного в штаб-квартире шерифа в Уиттайере, состряпали несколько ордеров на обыск и передали по факсу в Верховный суд на подпись. Это дало им возможность обыскать пляжный домик и машину Уолтера, а также проверить его руки и одежду на наличие остатков нитратных газов и микрочастиц сгоревшего пороха. После того как Уолтер отказался сотрудничать с полицией, его руки обернули пластиком, а самого отвезли в штаб-квартиру, где криминалисты провели лабораторную экспертизу. Заключалась она в том, что по рукам и одежде Эллиота водили пластинами, обработанными специальным химическим составом. После анализа веществ, оставшихся на пластинах, обнаружилось, что на его руках и рукавах много частиц пороха.

С этой минуты Эллиот был формально арестован по подозрению в убийстве. Он использовал свое право на телефонный звонок, чтобы связаться с личным адвокатом, а тот, в свою очередь, позвонил Джерри Винсенту, своему однокашнику по юрфаку. Эллиота перевезли в тюрьму округа, предъявив обвинение в двойном убийстве. Затем детективы обратились в отдел

по связям с общественностью и предложили созвать пресс-конференцию. Как-никак в их сети попала крупная рыба.

Я захлопнул папку, когда Сиско остановил «линкольн» перед студией «Арчуэй пикчерс». По обочине дороги слонялись пикетчики – бастующие сценаристы, державшие в руках плакаты с надписями: «Требуем честной оплаты» и «Сценаристы, объединяйтесь!». На одном из транспарантов красовалась фраза: «Вам нравится это словечко? Его придумал сценарист!» Другой изображал кулак с зажатым в нем пером. У дороги болталась привязанная к перилам надувная свинья, курившая сигару с надписью «Продюсер». Эта свинья, как и большинство плакатов, удивила меня своей шаблонностью: от сценаристов я ожидал чего-нибудь пооригинальнее. Вероятно, творческая жилка пробуждалась в них, только если им платили.

Я ехал на заднем сиденье, потому что мне хотелось как можно эффектнее появиться перед Эллиотом. Я надеялся, что он заметит меня из окна и подумает, что я очень важный и умелый адвокат. Но сценаристы, увидев лимузин с сидевшим сзади пассажиром, приняли меня за продюсера. Когда мы свернули к студии, они обступили машину, размахивая транспарантами и скандируя: «Жадный ублюдок! Жадный ублюдок!» Сиско прибавил газу и двинул напролом, заставив незадачливых писак броситься врассыпную.

– Эй, осторожнее! – крикнул я. – Не хватало еще задавить безработного писателя.

– Не волнуйся, – успокоил Сиско. – Они всегда убегают.

– Лучше не рисковать.

Возле будки охраны Сиско остановил автомобиль так, чтобы мое окно оказалось напротив двери. Убедившись, что никто из сценаристов не проник за нами на территорию студии, я опустил стекло и повернулся к вышедшему из будки охраннику. Он был в бежевой форме с темно-коричневым галстуком и такими же погонами на плечах. Выглядело это нелепо.

– Чем могу помочь?

– Я адвокат Уолтера Эллиота. Меня не ждут, но мне надо срочно с ним увидеться.

– Можно взглянуть на ваше водительское удостоверение?

Я протянул ему права через окно.

– Я замещаю Джерри Винсента. Назовите это имя секретарше, она должна его знать.

Охранник вернулся в будку и закрыл дверь. Не ясно, зачем он это сделал: боялся загазованного воздуха или не хотел, чтобы я слышал разговор. Через минуту он вышел и протянул мне трубку, зажав ладонью микрофон.

– Это миссис Альбрехт, помощник-референт мистера Эллиота. Она хочет с вами побеседовать.

Я взял трубку.

– Мистер Холлер? Что случилось? По данному делу мистер Эллиот общается только с мистером Винсентом, но на сегодня у них нет запланированной встречи.

По данному делу? Забавный способ говорить о двойном убийстве.

– Миссис Альбрехт, мне бы не хотелось обсуждать эту тему у въездных ворот. «Дело», как вы выразились, довольно деликатное. Можно мне войти в офис и увидеться с мистером Эллиотом?

Я обернулся и посмотрел в заднее стекло. За моим «линкольном» уже пристроились две машины. Вряд ли это были продюсеры. Сценаристы пропустили их без звука.

– Сомневаюсь, что это хорошая идея, мистер Холлер. Вы не возражаете, если я позвоню мистеру Винсенту, а потом свяжусь с вами?

– Он не возьмет трубку.

– Уверена, он ответит на звонок мистера Эллиота.

– А я уверен, что не ответит, миссис Альбрехт. Джерри Винсент мертв. Поэтому я здесь.

Я взглянул на отражение Сиско в зеркале заднего обзора и пожал плечами, словно говоря: «Мне очень жаль, но у меня не было выбора. Я бы предпочел потихоньку войти в кабинет Эллиота и сообщить новость с глазу на глаз».

– Простите, мистер Холлер. Вы сказали, что мистер Винсент... мертв?

– Вот именно. Суд назначил меня вместо него. Мне можно войти?

– Да, конечно.

Я вернул телефон охраннику, и тот отправился открывать ворота.

Глава 13

Нам отвели место на парковке для руководящего персонала. Я попросил Сиско подождать в автомобиле и зашагал к зданию, прихватив две толстые папки с делом Эллиота. В первой содержались материалы следствия, переданные прокуратурой Винсенту (в том числе протоколы допросов и другие важные документы по расследованию дела), во второй – записи и бумаги, накопившиеся у Джерри за пять месяцев работы. По этим папкам можно было судить, какими уликами располагало обвинение и в какую сторону оно намеревалось направить процесс. Что касалось защиты, в ее стратегии зияли огромные дыры, которые следовало чем-то заполнить. Вероятно, недостающие детали хранились в голове Джерри Винсента или в его ноутбуке, но толку мне от этого было мало – разве что полиция сможет найти преступника и вернуть украденную собственность.

Я направился по дорожке к офису Уолтера Эллиота и обогнул аккуратно подстриженный газон. Перед встречей с Эллиотом я составил план из трех частей. Прежде всего мне надо было удержать его как клиента. Затем я хотел попросить его об отсрочке дела, чтобы выиграть время и как следует подготовиться. Наконец я собирался выяснить, нет ли у Эллиота тех самых недостающих деталей из папки Винсента. Разумеется, без первого пункта два последних не имели смысла.

Офис Эллиота находился в так называемом Первом бунгало, расположенном в глубине площадки. «Бунгало» звучит не очень солидно, но в Голливуде их делают с размахом. Вопрос престижа. Жить в бунгало – все равно что иметь собственный домик прямо в киностудии. А жизнь в частных домах всегда скрыта от чужих глаз.

Крытое черепицей крыльцо вело по ступенькам вниз, в гостиную с баром из красного дерева и газовым камином во всю стену. Я вышел на середину комнаты и огляделся. Над камином висела картина с изображением закованного в латы рыцаря на боевом коне. Он привстал на стременах и, приподняв забрало, пристально смотрел в зал. Пройдясь по гостиной, я заметил, что нарисованные на картине глаза всегда обращали взгляд на зрителя, где бы он ни находился. Сейчас они следили за мной.

– Мистер Холлер?

Я обернулся, узнав женский голос, говоривший со мной по телефону. Миссис Альбрехт, верный страж Эллиота, появилась в комнате через какой-то скрытый вход. Лучше всего ее можно было описать словом «элегантность». Она обладала той зрелой красотой, которая с годами становится только привлекательнее. В ее волосах уже появились седые пряди, но она не пыталась их закрасить и не скрывала тонких морщинок, собравшихся в уголках губ и глаз. Миссис Альбрехт вела себя так, словно была вполне довольна собой. А в Голливуде, насколько я знаю, это большая редкость.

– Мистер Эллиот вас примет.

Направившись за ней, я свернул за угол и прошел по маленькому коридору в приемную. Миновав пустой стол – судя по всему, ее рабочее место, – миссис Альбрехт приоткрыла дверь в кабинет мистера Уолтера Эллиота.

Киномангнат оказался загорелым мужчиной с копной седых волос, которые над воротничком рубашки были гуще, чем на макушке. Он сидел за огромным стеклянным столом. Никаких ящиков или компьютеров, лишь листки бумаги, разбросанные по столу. Что с того, если тебя обвиняют в двух убийствах? Главное – работать. Эллиот руководил студией, будто ничего не произошло. Может, наслушался советов какого-нибудь доморощенного голливудского гуру или просто придерживался обычной тактики, принятой у обвиняемых. Веди себя так, словно ты невиновен, и все будут считать тебя невиновным. Так ты и вправду станешь невиновным.

Часть комнаты занимали кресла и диван, но Эллиот остался за столом. В его пронизывающем взгляде чудилось что-то знакомое, и я вдруг вспомнил: такой же был у рыцаря на полотне в гостиной.

– Мистер Эллиот, это мистер Холлер, – представила нас миссис Альбрехт.

Секретарша кивнула на стул, стоявший по другую сторону стола. Когда я сел, Эллиот, не поворачивая головы, жестом попросил миссис Альбрехт удалиться, и та молча вышла. За свою карьеру я защищал и представлял в суде десятка два убийц. Первое правило – нет никаких правил. Убийцы могут быть любого вида и характера: богатые и бедные, скромные и наглые, слезливые и черствые. Здравый смысл подсказывал, что Эллиот вполне может оказаться убийцей – человеком, который хладнокровно избавился от жены и ее любовника, не сомневаясь, что легко выйдет сухим из воды. Но в его внешности и манере поведения ничто не свидетельствовало ни за, ни против этой точки зрения. Впрочем, так обычно и бывает.

– Что случилось с моим адвокатом? – спросил Эллиот.

– Подробную информацию вы можете получить в полиции. Прошлой ночью его убили в собственной машине.

– Вот черт! И что мне теперь делать? Через неделю начнется суд, от которого зависит моя жизнь!

Он преувеличивал. Отбор присяжных должен был начаться через девять дней, и обвинение ничего не говорило про смертный приговор. Но я не против, если клиент воспринимает ситуацию слишком драматично.

– Поэтому я здесь, мистер Эллиот. Разумеется, если вы хотите со мной сотрудничать.

– А кто вы такой? Я никогда о вас не слышал.

– Вы обо мне не слышали, поскольку я стараюсь избегать огласки. Модные адвокаты привлекают много внимания к своим клиентам. Они добиваются известности за их счет. Я работаю по-иному.

Эллиот покусал губы и кивнул. Я заработал первое очко.

– И вы получили практику Винсента? – поинтересовался он.

– Давайте я вам все объясню, мистер Эллиот. Джерри Винсент обычно работал в одиночку. Так же как и я. В подобных случаях часто требуется помощь другого адвоката. Поэтому мы друг другу помогали. Если вы взглянете на контракт, заключенный вами с Винсентом, то увидите там мою подпись и особый пункт, где говорится, что Джерри может обсуждать ваши дела со мной и включать меня в список лиц, имеющих право на конфиденциальные сведения о клиенте. Иными словами, Джерри доверял мне полностью. Теперь, когда его не стало, я займу его место. Сегодня утром председатель Верховного суда выписала ордер, передающий мне все дела Джерри. Разумеется, вы можете сами выбирать своего представителя в суде. Просто я максимально готов для этой роли и могу незамедлительно приступить к работе. Хотя, как я уже сказал, выбор за вами. Я лишь объясняю, как обстоят дела.

Эллиот покачал головой:

– Просто не верится. Суд назначен на следующую неделю, и я не могу его откладывать. Я уже пять месяцев жду, когда мне вернут честное имя! Вы не представляете, каково это невиновному человеку – ждать, ждать и ждать, когда свершится правосудие. Читать всю грязь и клевету, которые выливают на меня в газетах. Чувствовать, как прокуратура дышит мне в спину, следит за каждым моим шагом, выискивая только повод, чтобы отменить залог. Взгляните!

Он показал мне браслет с «Джи-пи-эс», надетый на него судьей Холдер.

– Я хочу его снять!

Я одобрительно кивнул и сообразил, что, если заикнусь об отсрочке, меня немедленно выставят за дверь. Лучше затронуть данную проблему после заключения сделки.

– У меня было много клиентов, которых обвиняли ложно, – солгал я. – Я понимаю, что ждать суда порой невыносимо. Тем важнее роль защитника.

Эллиот промолчал, и я не стал продолжать тему.

– Я почти весь день просматривал ваши бумаги. Ясно, что вы не хотите затягивать процесс. В сущности, я прямо сейчас могу взяться за дело. У другого адвоката на это уйдет много времени, а я фактически готов.

Мой стиль обработки клиента – смесь преувеличений и вранья. Но я двинулся дальше.

– Я изучил стратегию, выбранную мистером Винсентом. Думаю, менять ее не имеет смысла, но я могу ее улучшить. К следующей неделе все будет готово. Конечно, отсрочка никогда не помешает, но сейчас в ней нет необходимости.

Эллиот потер пальцем переносицу.

– Мне надо поразмыслить, – произнес он. – Поговорить с людьми, навести о вас справки. Винсента я тоже проверил, прежде чем заключить с ним контракт.

Я решил, что стоит рискнуть и попробовать подтолкнуть его к быстрому решению. После своей проверки Эллиот, пожалуй, обнаружит, что я отсутствовал целый год. Возникнет много ненужных вопросов.

– Хорошая идея, – одобрил я. – Сделайте паузу, но не тяните. Чем дольше вы будете думать, тем больше шансов, что судья отсрочит дело. Я знаю, вы этого не хотите, но без мистера Винсента или другого действующего адвоката судья может занервничать и отложить процесс. Если вы выберете меня, я сразу отправлюсь к судье и постараюсь убедить его, что отсрочка не имеет смысла.

Я встал, достал из кармана визитную карточку и положил на стол.

– Здесь все мои контакты. Звоните в любое время.

Я надеялся, что Эллиот меня остановит и мы займемся обсуждением судебного процесса, но он просто протянул руку и взял карточку. Когда я уходил, Эллиот внимательно читал ее. Не успел я открыть дверь, как она распахнулась и на пороге появилась улыбающаяся миссис Альбрехт.

– Не сомневаюсь, что мы еще увидимся, – тепло заметила она.

Похоже, она слышала все, о чем говорилось в комнате.

– Спасибо, миссис Альбрехт, – улыбнулся я. – Я тоже надеюсь.

Глава 14

Сиско стоял и курил, облокотившись на «линкольн».

– Быстро ты, – буркнул он.

На всякий случай я открыл заднюю дверцу: вдруг Эллиот следит за мной через камеру на парковочной площадке?

– Умеешь ты испортить настроение.

Я сел в машину, он последовал за мной.

– Я просто заметил, что ты быстро вернулся, – пожал плечами Сиско. – Как дела?

– Сделал все, что мог. Скоро мы узнаем результаты.

– Думаешь, он их убил?

– Не исключено, хотя какая разница? У нас есть заботы поважнее.

Переключаться с гонорара в четверть миллиона долларов на заурядных клиентов Винсента было трудновато, но работа есть работа. Я открыл сумку и достал другие папки. Следовало решить, куда ехать дальше.

Сиско тронулся с площадки и вырулил к въездной арке.

– Лорна ждет ответа, – произнес он.

Я уставился на него в зеркало заднего обзора.

– Что?

– Она звонила, пока ты был там. Хочет узнать, как прошла встреча с Эллиотом.

– Не волнуйся, я ей позвоню. Сначала решим, куда ехать.

Адрес каждого клиента – тот, который они сочли нужным дать Винсенту, – был аккуратно распечатан на обложке каждой папки. Я быстро просмотрел бумаги, выискивая тех, кто жил в Голливуде. Ближе всех находилась женщина, арестованная за непристойное поведение. Та, что приходила в офис Винсента и пыталась забрать свое дело.

– Итак, – сказал я. – Поворачивай тут и поезжай дальше по Мелроуз до Ла-Бреа. Там живет клиентка. Из тех, что сегодня пытались забрать досье.

– Ясно.

– А потом я пересяду на переднее сиденье. Не хочу, чтобы ты чувствовал себя шофером.

– Да ладно, все нормально. К этому можно привыкнуть.

Я достал телефон.

– Слушай, Микки, мне надо тебе кое-что сообщить, – пробормотал Сиско.

Мой палец повис над кнопкой.

– Да?

– Будет лучше, если ты услышишь это от меня, а не от кого-либо еще. Мы с Лорной решили пожениться.

Я знал, что все к тому идет. Мы с Лорной дружили пятнадцать лет, прежде чем пожениться. Для меня это был второй брак, еще более опрометчивый, чем первый. Мы разошлись, как только поняли свою ошибку, и ухитрились остаться близкими людьми. Я доверял ей больше, чем кому-либо в этом мире. Мы не были влюблены, но я все-таки по-своему любил ее и готов был защищать от любых неприятностей.

– Ты не против, Микки?

Я взглянул на него в зеркало заднего обзора:

– Не мое дело, Сиско.

– Знаю, но хочу спросить, устраивает ли это тебя. Понимаешь, о чем я?

Я взглянул в окно и подумал, прежде чем ответить.

– Да, меня устраивает. Скажу лишь одно, Сиско. Лорна входит в четверку самых дорогих для меня людей. Ты тяжелее меня на семьдесят пять фунтов – будем считать, что все это чистые

мускулы. Но если ты причинишь ей боль, я найду способ, как с тобой расправиться. Устраивает ли это тебя?

Он отвел взгляд и посмотрел на дорогу. Мы медленно ползли к выезду с площадки. Бастующие сценаристы заняли обочину и мешали людям выходить из студии.

– Да, Микки, устраивает.

Мы помолчали, продолжая тащиться дальше. Сиско все поглядывал на меня в зеркало.

– Ну что? – наконец спросил я.

– Первая – твоя дочь. Вторая Лорна. А кто еще двое?

Не успел я ответить, как в моей руке загремела электронная версия увертюры из «Вильгельма Телля». На экране появилась надпись: «Неизвестный абонент». Я откинул крышку.

– Холлер.

– Подождите, я соединю вас с Уолтером Эллиотом, – произнесла миссис Альбрехт.

Через минуту я услышал знакомый голос:

– Мистер Холлер?

– Я слушаю. Чем могу помочь?

По спине у меня бегали мурашки. Он сделал выбор.

– Вы не заметили ничего особенного в моем деле, мистер Холлер?

Вопрос застал меня врасплох.

– Вы о чем?

– Один адвокат! У меня лишь один адвокат, мистер Холлер. Я хочу выиграть не только в суде, но и в общественном мнении.

– Понимаю, – проговорил я, хотя ничего не понимал.

– В последние десять лет я часто ставил на победителей. Я имею в виду фильмы, в которые вкладывал деньги. Я вижу победителей, потому что хорошо разбираюсь во вкусах публики. Знаю, что нравится людям, о чем они думают.

– Разумеется, сэр.

– Так вот, публика считает, что чем виновнее человек, тем больше у него адвокатов.

Тут он не ошибался.

– Поэтому, обратившись к мистеру Винсенту, я сразу поставил одно условие – никакой команды, только вы и я. У нас был еще адвокат, но временно. Она выполнила свою задачу и ушла. Один адвокат, мистер Холлер. Вот чего я хочу. Самый лучший из всех, кого я могу найти.

– Но я...

– Я принял решение, мистер Холлер. Вы произвели на меня хорошее впечатление. Я хочу, чтобы вы представляли меня в суде. Вы будете моим единственным адвокатом.

Мне пришлось сделать паузу, чтобы справиться с голосом:

– Рад слышать. Зовите меня Микки.

– А вы меня – Уолтер. Но есть условие, без которого наша сделка не состоится.

– Какое?

– Никаких задержек. Мы начнем точно в срок. Я желаю, чтобы вы это сказали.

Я колебался. Мне нужна отсрочка. Но еще больше мне нужно это дело.

– Задержек не возникнет, – пообещал я. – К следующему четвергу все будет готово.

– Что ж, тогда добро пожаловать на борт. Какой следующий шаг?

– На самом деле я еще не выехал с парковки. Могу вернуться, и мы все обсудим.

– Нет, до семи я занят. А потом мне надо просмотреть фильм для отборочного конкурса.

Я подумал, что судебный процесс и собственная свобода – вещи поважнее, чем какие-то там фильмы и дела, но спорить не стал. Еще успею научить Уолтера уму-разуму.

– Хорошо, тогда дайте мне номер факса, и я вышлю вам копию контракта. Цена такая же, как у Джерри Винсента.

Наступило молчание, и я выдержал паузу. Если Эллиот намерен снизить гонорар, сейчас самое время. Но он повторил номер факса, который продиктовала миссис Альбрехт. Я записал его на обложке папки.

– Как насчет завтра, Уолтер?

– Завтра?

– Да, если не сегодня, значит завтра. Незачем откладывать. Вы же сами не желаете задержки, верно? Я должен подготовиться как можно лучше. Надо поговорить, обсудить детали. В защите есть кое-какие дыры, и я надеюсь, что вы поможете мне их заполнить. Мы можем увидаться завтра в вашей студии или где угодно.

Я услышал, как Уолтер советуется с миссис Альбрехт.

– В четыре я свободен, – наконец произнес он. – Здесь, в бунгало.

– Хорошо, я буду. И отмените все, что у вас есть на пять. Нам понадобится не менее двух часов.

Эллиот дал согласие, и я уже хотел закончить разговор, но вдруг вспомнил кое о чем.

– Уолтер, я хочу взглянуть на место преступления. Вы не возражаете, если завтра перед встречей заеду к вам в Малибу?

Снова пауза.

– Когда?

– Когда вам удобно.

Он опять прикрыл трубку и стал совещаться с миссис Альбрехт.

– Как насчет одиннадцати? Я пришлю кого-нибудь, чтобы вас встретили.

– Очень хорошо. До завтра, Уолтер.

Я отключил связь и взглянул в зеркало заднего обзора на Сиско.

– Он наш.

Сиско оглушительно просигналил в знак победы. Ехавший впереди водитель поднял руку и показал нам палец. Бастующие сценаристы на улице решили, что кто-то со студии гудит им в знак поддержки, и ответили довольным ревом.

Глава 15

Босх приехал рано утром. Без напарника. Вместо трубки мира он привез мне чашечку горячего кофе. Я давно не пил кофе – решил искоренить все вредные привычки, – но принял угощение, надеясь взбодриться хотя бы кофейным ароматом. Часы показывали семь сорок пять, и я уже два часа сидел в офисе Винсента.

Мы прошли в помещение архива. Босх выглядел таким же утомленным, костюм на нем был тот же самый, что вчера.

– Длинная ночь?

– Угу.

– Распутывали клубок или расхлебывали кашу?

Я слышал эту фразу в судебных кулуарах от одного детектива. Но, очевидно, она годилась лишь для парней с жетонами, потому что Босх отреагировал на нее без восторга. Он невнятно хмыкнул что-то и промолчал.

В архиве я пригласил Босха за столик. Папок на нем не было, только блокнот. Я пододвинул второй стул и поставил свой кофе.

– Итак, – произнес я, открыв блокнот.

– Итак, – отозвался он, увидев, что на столе пусто.

– Вчера вечером я встретился с судьей Холдер и разработал план, с помощью которого мы сможем дать вам то, что вы хотите, не показывая досье клиентов.

Босх покачал головой.

– В чем дело? – поинтересовался я.

– Жаль, вы не сказали мне это вчера в Паркер-центре. Я бы сэкономил время.

– Я думал, вам понравится.

– Это не сработает.

– Почему вы так уверены?

– Сколько убийств вы расследовали, мистер Холлер? И сколько из них раскрыли?

– Ясно. Вы профи в своем деле. Но я вполне могу просмотреть дела и найти в них то, что похоже на угрозу Джерри Винсенту. Кто знает, вероятно, с моим опытом работы в уголовном суде я даже больше гожусь для данной задачи, чем вы.

– Неужели?

– Да.

– Послушайте, я говорю совершенно очевидные вещи. Я детектив. Именно я должен просматривать досье, поскольку знаю, что ищу. Без обид, но в подобных делах вы просто любитель. И хотите, чтобы я довольствовался тем, что получу от любителя, полагая, будто в этих документах не содержится ничего, кроме того, что мне показали? Я доверяю лишь тем свидетельствам, которые нахожу сам.

– Я вполне понимаю вашу точку зрения, детектив, но мы имеем то, что имеем. Это единственный способ, который одобрила судья Холдер, и вам крупно повезло, что она согласилась хотя бы на него. Ведь она совсем не горит желанием вам помочь.

– А вы, значит, решили за меня заступиться?

Босх произнес это таким едким тоном, словно помощь адвоката детективу была делом абсолютно немыслимым.

– Вот именно, – ответил я с вызовом. – Я за вас заступился. Не забывайте, Джерри был моим другом. Я хочу, чтобы вы поймали убийцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.